

Стремление получить разнообразнейшие, часто никакого отношения к задачам переписи не имеющие данные, чисто справочного характера (см. „Народно-хозяйственная перепись“, стр. 10) вызвало исключительную сложность и величину формуляров, в которых исчезла самая существенная часть — фиксация элементов туземной экономики.

Вдумчивая переработка инвентаря и отказ от механического переноса традиционных приемов статистики на север совершенно необходимы. При недоучете или смешении тех или иных элементов, мы при будущей обработке опять увидим ряд положений, вытекающих из добросовестной обработки данных переписи и тем не менее далеких от действительности.

К переписи необходимо привлечение Института антропологии и этнографии, Демографического института Академии Наук СССР, Института народов севера и Института оленеводства. Комакадемия, Гос. Академия истории материальной культуры и Комуниверситет трудящихся востока должны помочь в разработке программы по основному вопросу о социальной структуре туземного общества. В прессе должна быть развернута дискуссия.

С этой точки зрения не все благополучно. Подготовка ведется пока в тиши статистических кабинетов, общественность не привлечена, не знает материалов, не привлечена и пресса — „Советский север“ дал всего одну статью общего характера. Необходимо подвергнуть широкому обсуждению как основные целевые установки переписи, так и соответствие им ее инвентаря. Развернутый проект хозяйственной карточки, как основного бланка, предполагает дать в ближайшее время автор этих строк.

Отсутствие необходимой общественной подготовки может обойтись после уроков первой переписи очень дорого.

С. А. ТОКАРЕВ

РОДОВОЙ СТРОЙ В МЕЛАНЕЗИИ

(Продолжение)¹

Едва ли уместно здесь было бы ставить общий вопрос о происхождении экзогамии, как таковой. Если понимать под экзогамией наличие тех или иных социальных групп, внутри которых не заключаются браки, то в такой общей форме явление экзогамии будет едва ли не всеобщим, ибо в каждом человеческом обществе есть группы, — будь то роды, фратрии, семьи, те или иные категории родственников, — члены которых не вступают между собою в брак. Это явление есть обнаружение обще-биологического закона о вреде для вида скрещивания в пределах узких групп. Еще Дарвин отмечал, что „скрещивание между различными разновидностями, или между особями одной и той же разновидности,² но различного происхождения, придает потомству силу и плодовитость.“ Поэтому и Морган, а вслед за ним и Энгельс, подчеркивали роль естественного отбора, закрепившего практику экзогамии, как полезный в биологическом отношении признак.³

Перед нами, и вообще перед исторической наукой, стоит поэтому не абстрактный вопрос о происхождении экзогамии как таковой (это вопрос биологический), а вопрос о том, как данное биологическое явление преломилось

¹ Начало см. Советская Этнография № 2, стр. 39.

² Ч. Дарвин. О происхождении видов (Собр. соч., Л., 1910, т. 4), стр. 109.

³ Engels. Der Ursprung. d. Familie. 23-te Auflin, Berlin, 1928, S. 21.

в социальной среде, или, говоря конкретнее, почему и как возникли те или иные определенные экзогамные деления.

Мы уже знаем, что фратрии суть экзогамные единицы. Тем самым экзогамными являются и те более мелкие группы, на которые фратрии делятся. Но что представляет собой эта экзогамия конкретно?

В тех случаях, когда исследователи не ограничивались констатированием факта существования экзогамных делений в племени, а изучали более подробно брачные нормы и обычаи, мы находим, что эти последние отнюдь не исчерпываются чисто негативным моментом — запретом брака внутри данной группы, а заключают в себе и более или менее положительные брачные правила. Так, уже у папуасов р. Мамберамо мы видели, что браки совершаются, как правило, между двумя определенными общинами.¹ Это означает, что между двумя данными группами А и В из поколения в поколение поддерживается связь, постоянно возобновляемая новыми браками. Человек берет жену в той группе, откуда родом его мать, берет ее, следовательно, из материнской родни. У тех же папуасов имеется, впрочем и более точное правило: брак нормально происходит с дочерью материнского дяди, младшей по возрасту, чем жених.² То же, повидимому, было, судя по терминам родства, у банаро.³ Вообще номенклатуры родства целого ряда племен Меланезии содержат в себе следы таких брачных порядков: в ряде номенклатур мы находим наличие одинаковых обозначений для отца жены и брата матери, для матери жены и сестры отца и т. д. Такое совпадение терминов мы имеем, например, в округе Буин (о. Бугэнвиль), на острове Гуадалканар, отчасти на Изабель, Флориде, Санта-Крус и др.⁴ Если в настоящее время брак перекрестно-двоюродных братьев и сестер является сравнительно редким фактом в Меланезии (он имеется на полуострове Газели,⁵ на Гуадалканаре,⁶ на южных Новых Гебридах⁷), то отмеченные сейчас особенности терминологии родства свидетельствуют, что некогда нормой было поддержание брачных связей между одними и теми же родственными группами.

Такие постоянные связи между определенными группами не ограничиваются, разумеется, одними брачными отношениями. Между дружественными общинами происходит и взаимный обмен подарками, и взаимное посещение во время праздников и т. п., устраиваются совместные военные экспедиции, охоты и пр. Подобные факты отмечаются и сейчас для разных племен тем же Вирцем,⁸ Миклухой-Маклаем,⁹ Ландтманом,¹⁰ Уолластоном¹¹ и др.

Такого рода постоянные связи между отдельными общинами — это факт, который не только наблюдается в настоящее время, но который, конечно, существовал и прежде и едва ли не с начала человеческой истории. Но к чему приводят такие связи в области брачных отношений? Очевидно, к все большему укреплению, поскольку дело касается взаимоотношений двух групп, кровно-родственных отношений между ними. Через известный промежуток времени это должно повести к объединению обеих групп в более крупное целое, внутри которого сохранится деление на 2 экзогамные половины.¹²

Почему, при таком происхождении экзогамных фратрий, мы имеем как общее правило, наличие двух, а не большего числа фратрий на каждой определенной территории? Если представить себе возникновение фратрий так, как

¹ Wirz (b), 50. ² Ibid., 68. ³ Thurnwald (e), 96. ⁴ Rivers (a), v. 1, в конце.
⁵ Burger, 28. ⁶ Rivers (a), v. 1, 256. ⁷ Humphreys, 47, 108. ⁸ Wirz (b), 2, 38—39; Wirz (a), B I, 129. ⁹ Миклуха-Маклай (b), 371. ¹⁰ Landtman, 205. ¹¹ Wollaston, 196—197. ¹² В недавней книге А. М. Золотарева об экзогамии („Происхождение экзогамии“, Л., 1930) намечено решение вопроса, близкое к даваемому здесь. К сожалению, А. М. Золотарев отплевается от неправильных методологических позиций, ставя вопрос, вместе с буржуазными теоретиками, „метафизически“ о происхождении „экзогамии“ как таковой, вместо того, чтобы говорить о генезисе известных экзогамных социальных групп. Неубедительны те мотивы, по которым автор считает фратрии („секции“) наиболее поздними из экзогамных группировок.

это сейчас указано, путем соединения первоначально самостоятельных территориальных групп, то ведь вполне возможно мыслить себе объединение брачными связями целого ряда, 3, 5 и более, таких групп. В настоящее время мы это очень часто и видим. Если, тем не менее, фратрии являются результатом именно попарного объединения общин, то это свидетельствует о том, что их возникновение относится к более ранней эпохе, когда существовали какие-то иные условия. Я полагаю, что эти иные условия состояли в большей редкости населения и разбросанности отдельных общин. При такой разбросанности шансы соприкосновения между собой разных общин уменьшаются, и уменьшается количество групп, с которыми данная группа вообще может вступить в связь. Именно в условиях очень далеко друг от друга отстоящих общин наиболее вероятной делается связь между парами более доступных друг для друга общин.¹

Что происходит с ростом населения и с постепенным занятием новых территорий? Происходит дробление этих первобытных групп, их расселение по ранее незанятым землям, и вместе с тем укрепление межобщинных связей. Так, две фратрии, образовавшиеся из соединения двух самостоятельных общин, могут раздробиться на целый ряд территориальных групп, продолжающих быть частями тех же двух фратрий. Это мы и имеем у центрально-новогвинейских папуасов, у маринд-аним и у др. Экзогамные фратрии, оставаясь самими собой, разбились на ряд более мелких локальных групп, естественно тоже экзогамных. Об этом процессе дробления фратрий и о связи их с родовыми группами мы еще будем говорить ниже.

Очень трудным является вопрос об условиях, определяющих господство мужской или женской филиации в первобытных экзогамных группах. У папуасов, стоящих на изучаемой нами сейчас ступени развития, мы имеем дело с мужской филиацией фратрий и других экзогамных групп. Поскольку мы считаем фратрии остатками древних территориальных общин, представляется ясным, что мужская филиация в них является прямым продолжением того простейшего порядка, при котором каждый человек причисляется к общине своего отца, в которой он родился. Сам по себе этот факт как нельзя более понятен. Несколько выше мы уже пытались выяснить, каким путем из этого примитивного порядка филиации вырастает, на почве расширения форм общественной связи, двусторонняя, а потом и чисто материнская (родовая) филиация. Эта сторона дела тоже не представляет особых трудностей для объяснения.

Трудность начинается здесь тогда, когда мы привлекаем для сравнительного изучения другие общества, сохранившие архаический уклад — прежде всего австралийцев. У австралийцев именно материнская филиация фратрий и тотемического имени является, повидимому, изначальной, а отцовская — более поздней, и в некоторых случаях, как у племен аранда, лоритя, можно доказать эмпирически переход от первой ко второй. Но в этом случае мы имеем перед собою материнскую тотемическую и фратриальную филиацию при отсутствии материнского рода и тех условий, на которые нам приходилось выше ссылаться для объяснения генезиса материнского счета родства в Меланезии. Это объяснение поэтому в данном случае непригодно.

Мне кажется, что самое удачное и вместе с тем простое объяснение возникновения женской филиации тотемического имени на самой ранней ступени развития (объяснение, пригодное и для австралийцев) было предложено Эндрю

¹ Однако это не единственная возможность. Есть случаи, когда фратрий имеется по 3 и по 4. Так, на о. Изабель мы находим 3 экзогамные группы, делящиеся на тотемические роды (Rivers (a) v. I, 245—246). То же имеет место на Торресовых островах (Ibid., 176—177, 184). На Амбрим имеется деление на 3 экзогамные группы, лежащие в основе довольно своеобразной системы брачных отношений (Deacon, 329). Наконец, на Тробриановых островах существуют целых 4 экзогамных группы, играющие ту же роль, как фратрии (Malinowski (b), 63, 70—71). Таким образом указанная выше попарная амальгамация первобытных общин является закономерным и нормальным, но не единственным, путем образования фратрий.

Лэнгом.¹ Согласно ему, женская филиация была естественным следствием экзогамии первобытных территориальных общин. Потомство женщины, происшедшей из чужой группы, обозначалось по имени этой группы, как „дети женщины Ящерицы“, „дети женщины Бекаса“, или просто „Ящерицы“, „Бекасы“ и т. п. Это объяснение представляется очень правдоподобным. Но вся трудность состоит, как я уже сказал, в том, что в одних случаях (австралийцы) мы имеем в качестве исходного состояния женскую филиацию, в других (папуасы) — мужскую. Быть может, придется согласиться с мнением ряда буржуазных авторов,² что и отцовская и материнская филиации могут самостоятельно развиваться из некоего первоначального „аморфного“ состояния. Но, каковы условия, определившие в одних случаях одно, в других другое, об этом буржуазные исследователи, разумеется, не ставят даже вопроса.

* * *

Существование фратрий послужило условием, повидимому, облегчившим формирование родовых групп. Хотя генезис фратрий относится к гораздо более древней (социологически) эпохе, чем развитие рода, но в некоторых отношениях, именно в смысле своей внешней структуры и в своей роли регуляторов брака и счета родства, фратрии и роды являются гомологичными образованиями. В дальнейшем мы увидим, что на стадии развитого родового строя фратрии и роды нечувствительно переходят одни в другие и делаются по существу однородными группировками, только разного объема.³

7. Племя

Родственно-территориальная группа представляет собой на этой ступени развития совершенно автономную группу. Системы постоянных связей, которые бы объединяли несколько таких групп в высшую единицу — племя, как правило, нет. У центральных папуасов, как мы видели, нет даже племенного названия и никакого собирательного обозначения, ни сознания солидарности и единства всех групп данной области. Точно то же отмечается для маринд-аним. Несмотря на то, что здесь существует общее название „маринд“, обозначающее население определенной территории с единством языка внутри нее (хотя язык этот делится на ряд довольно различных диалектов,⁴ — сами туземцы не осознают этого единства, и самый термин „маринд“ ими понимается очень неопределенно: Вирц получал в ответ на вопрос — что такое маринд-аним? большей частью перечисление нескольких близких и родственных групп.⁵ Значит, племени, как социально оформленной единицы, нет и у маринд-аним. — У банаро племя является тоже не более, как культурным и языковым единством, отдельные же поселки („кланы“) совершенно самостоятельны,⁶ они не объединяются друг с другом даже на праздниках.⁷ Напротив, между „кланами“ даже одного племени часто идут усобицы.⁸ У байнинг не только нет племени, как социальной единицы, но нет даже племенного названия, если не считать таким самона-

¹ A. Lang. *Secret of the totem*, 1905, p. 144.

² См. Frazer. *Totemism and exogamy*. L., 1910, v. I, p. 167; Van Gennep. *Mythes et légendes d'Australie*, Paris, 1905, p. XXXII; R. Lowie. *Primitive society*, p. 185.

³ Если один путь, и самый обычный, развития экзогамных фратрий состоял в их расщеплении на более мелкие группы — роды, то в некоторых случаях мы имеем развитие специфических форм на основе тех же фратрий, форм аналогичных австралийским „брачным классам“. Для Меланезии они представляют скорее единичное явление. Это своеобразные парные подразделения общин у банаро (Sipren, по Туривальду), а также исследованная Диконом система 6 „брачных классов“ на о. Амбрим (см. Deacon в „*Journ. of Anthropol. Inst.*“, v. 57, 325—342). К сожалению, соображения места не позволяют мне здесь показать, что и эти своеобразные формы суть вполне закономерные продукты развития экзогамных фратрий.

⁴ Wirz (a), B. I, 22, 24, 32.

⁵ Ibid., 24.

⁶ Thurnwald (e), 9, 55—56.

⁷ Ibid., 55.

⁸ Ibid., 4.

звание „а хахат“, т. е. „люди“, которым они себя обозначают в отличие от всего прочего населения. Само собой разумеется, что у всех названных этнических групп нет никаких следов общеплеменной организации, в виде ли племенных вождей, племенных советов, сходок и т. п.

Однако, факт существования в ряде случаев племенного имени, так же как и единство языка и культурная общность, все это говорит о существовании в этих случаях племени, как культурной единицы.

Но во многих местах, в особенности на Новой Гвинее, мы не находим и этого. Нередко мы встречаемся с наличием чрезвычайно узких языковых групп, так что распространение диалекта ограничено двумя-тремя, а то и одной деревней. Так, в бывшей Германской Новой Гвинее „в некоторых районах, как например, между Jupo-Nuk и Kap Croisilles, почти каждая деревня имеет свой особый язык“. ¹ В Британской Новой Гвинее „часто туземцы, живущие всего лишь в 7—8 км друг от друга не могут понять один другого“. ² Рей перечисляет для бывшей Германской Новой Гвинее до 8 десятков папуасских языков, считая только более или менее известные. ³ Эта крайняя степень языковой пестроты дополняется и отсутствием в очень многих случаях всяких племенных названий. ⁴ Это означает в сущности, что каждая деревня, каждая община, или 2—3 соседние общины, представляют собою самостоятельную культурную группу. В этих случаях нельзя говорить, следовательно, даже о племени, как культурной единице.

По сравнению с этим положением, указанные выше примеры наличия племени, как культурной группы, представляют, бесспорно, шаг вперед. Что же лежит в основе этого шага?

Наличие языковой и культурной общности в пределах данной территории есть, очевидно, продукт существования здесь определенных и постоянных связей, прежде всего, конечно, экономических. Без этого теоретически немислимо наличие общности языка. Связи эти выражаются наиболее заметным образом в обмене, который и является здесь главным фактором культурного сближения. Этим делается первый шаг на пути к тем племенным объединениям, которые, однако, оформляются на гораздо более поздней ступени — уже при зарождении классовой организации (см. ниже).

Если обмен оказывается фактором постепенного сближения отдельных общин, то в обратном направлении действует другой фактор: частые, нередко хронические войны между общинами.

Враждебные отношения между отдельными локальными группами представляют собой самое обычное, можно бы сказать, нормальное явление. Так, Детцнер отмечает, что во внутренних горных областях Новой Гвинее между жителями двух соседних долин почти нет сношений, и господствует хроническая вражда, то и дело проявляющаяся стычками на границах охотничьих территорий. ⁵ У маринд-аним соседние общины находятся обычно в дружественных отношениях, но отдаленные считаются врагами, и эта вражда часто принимает формы грабительских военных экспедиций против той или иной отдаленной общины. ⁶ Перманентную вражду и усобицы между соседними областями отмечает Кригер для Голландской Новой Гвинее, ⁷ также для Германской, ⁸ Бургер сообщает это же о байнингах, ⁹ Ландтман — о папуасах группы Киваи. ¹⁰ В сущности то же находим мы и у более развитых меланезийских групп. Это констатирует, например, Паркинсон для полуострова Газели, ¹¹ для западной части Новой Британии, ¹² для Новой Ирландии, ¹³ для островов Адмиралтейства, ¹⁴

¹ Krieger, 209. ² Ibid., 333. ³ Ray (b), 320—323. ⁴ Вирц считает, что „племенные имена туземцам Новой Гвинее вообще неизвестны, а где таковые имеются налицо, там дело идет по большей части о географических обозначениях населяемой области, долины, горы или острова“ (Wirz (b), 2, note). ⁵ Detzner, 39. ⁶ Wirz (a), B. I, 126—127. ⁷ Krieger, 313—314. ⁸ Ibid., 202. ⁹ Burger, 73. ¹⁰ Landtman, 3. ¹¹ Parkinson, 134—135. ¹² „... Ближайшие соседи... самые жестокие враги...“ (Ibid., 207—208). ¹³ Ibid., 254, 61—262. ¹⁴ Ibid., 379—380, 392, 400—402.

для Соломоновых островов.¹ Браун отмечает, что на Новой Британии, благодаря хроническим усобицам между отдельными деревнями, почти не бывает взаимных посещений жителями их друг друга.² По Шпейзеру, война между отдельными областями на Новых Гебридах представляет собой обычное и хроническое явление и тянется из поколения в поколение.³

Обычными причинами, или, может быть, поводами войн являются споры из-за похищения женщин и взаимные обвинения в колдовстве.⁴ Этим характеризуется господствующий тип войн на этой ступени развития. Это, разумеется, не завоевательные войны, которые появляются лишь на пороге классового общества, и даже не всегда грабительские войны; чаще это войны, если можно так выразиться, мстительные.⁵

К какой взаимной изоляции приводит такое положение вещей, достаточно ярко видно из одного примера, сообщаемого Шпейзером. На острове Амбрим он нашел, что жители деревень, расположенных в 20 минутах ходьбы от морского берега, ни разу в жизни не видели моря вблизи, — так велик страх перед врагами, не позволяющий отходить далеко от родной деревни.⁶

Естественно, что такие отношения между общинами в сильнейшей степени мешают образованию племенных объединений.

Конечно, переоценивать роль подобных явлений на следует. Враждебные отношения составляют одну сторону дела, а наряду с ними сохраняются те дружественные мирные связи, в особенности между соседними общинами, о которых говорилось выше.

8. Обмен

В каждом конкретном обществе, наряду с господствующим укладом имеются пережитки прошлого и зародыши будущего уклада. В первобытно-коммунистических папуасских обществах мы находим элементы чуждых господствующему укладу отношений, которые представляют собой зерно противоречий, долженствующих в дальнейшем взорвать этот архаический уклад. Это прежде всего развитие обменных отношений.

У описанных выше центральных папуасов обмен, по видимости развитый, не играет еще по существу важной экономической роли. Не в большей степени он развит и у других, поставленных нами в тот же уровень племен.

И байнингов обмен имеет небольшое значение и самые примитивные формы. Жители внутренних областей выменивают продукты земледелия на морскую добычу береговых жителей.⁷ Между прочим, с побережья они получают морскую воду, служащую для приправы вместо соли, и монополизированную жителями побережья, а также известь.⁸ О слабом развитии обмена свидетельствует отсутствие денежных единиц.⁹

Об обмене у банаро, на основании наших источников, ничего не известно. Едва ли он имеет здесь сколько-нибудь заметное значение.

У маринд-аним Вирц нашел межобщинный обмен, хотя и в скромных размерах, но сравнительно оформившийся. Обменные связи существуют, главным образом между близкими общинами и обычно направляются вдоль течения рек. Между общинами отдаленными прямого обмена, как правило, нет, однако есть нечто вроде этапной торговли через промежуточные поселения. Таким путем из внутренних областей передаются в прибрежные деревни камни для орудий,

¹ Ibid., 479 и др. ² G. Brown, 152 и др. ³ Speiser (a), 234. ⁴ Ibid., 234—235; Parkinson, 125; Burger, 73; Krieger, 199—200 и др. ⁵ Ср. новую статью Камиллы Уеджвуд о войне у меланезийцев. Этот автор упоминает, на основании устного сообщения Томаса, только об одном факте столкновения из-за земли: это относится к округу Айтате на побережье Британской Новой Гвинеи (C. Wedgwood. Some aspects of warfare in Melanesia. „Oceania“, v. I, № 1, 1930, p. 11). ⁶ Speiser (b), 218. ⁷ Burger, 52. ⁸ Ibid., 76. ⁹ Ibid., 52.

топоров и пр., а также лодки, барабаны, каменные топоры, а в обмен получают раковины, плетеные изделия и т. п.¹

В этом последнем случае обмен проникает сравнительно глубоко в экономику туземцев. Сложилась уже известная географическая специализация: так, например, некоторые общины присвоили себе монополию изготовления плетеных изделий, хотя последние могли бы, по наличию материала, делаться и в других местах.² Любопытно, что, например, барабаны и, что всего интереснее, лодки делаются жителями внутренних областей для приморских общин.³ Это свидетельствует о сравнительно большом значении обмена, который, связывая между собой хозяйственно разнородные районы, со своей стороны начал уже углублять их разнородность и закреплять ее.

Тем не менее у маринд-аним этот процесс зашел еще не очень далеко. Денежных единиц здесь не выработалось. Интересно, что старые наблюдатели вовсе не замечали в этих местах наличия какого бы то ни было обмена, противопоставляя в этом отношении территорию маринд-аним другим частям побережья Голландской Новой Гвинеи.⁴

Итак, за исключением разве маринд-аним, у папуасских племен, рассмотренных нами, хозяйство сохраняет в значительной мере характер натурального, причем отдельные общины лишь в очень незначительной мере связаны взаимным обменом. Выражение „в незначительной мере“ само по себе не является достаточно выразительным, поскольку оно указывает лишь на количественную сторону процесса. Но мы можем уточнить его, подчеркнув, что дело идет и о качественном моменте: обмен на этой ступени развития не создает еще, как правило, особых производственных отношений, не меняет натурального по существу характера хозяйства, не вызывает экономического неравенства внутри общины.

9. Экономическое расслоение и „вожди“

Значение этого последнего момента следует особенно подчеркнуть. Наблюдения над конкретным материалом и в этом случае, как и в других, вполне подтверждают наши теоретические предположения. Первобытно-коммунистический уклад, характеризующийся такими положительными признаками, как планомерная организация общинного хозяйства, господство коллективных форм производства и распределения, общественная собственность на средства производства, определяется и с отрицательной стороны, как уклад, не развивший еще в себе элементов экономического расслоения. Единственной формой дифференциации внутри первобытно-коммунистической общины является половозрастное деление.

Действительно, это отсутствие экономического неравенства мы видели уже у папуасов р. Мамберамо. Это же мы находим и у маринд-аним и у банаро: у тех и других нам неизвестно никаких фактов имущественного расслоения. Естественно, что ни у одной из этих трех этнических групп нет и института так называемых „вождей“. У маринд-аним Вирц констатирует отсутствие вождей, роль которых здесь заменяется руководящим положением старшего возрастного слоя — стариков. То же говорит Турнвальд о банаро (см. выше), и Бивер о папуасах Британской Новой Гвинеи вообще.⁵ Миклуха-Маклай замечает: „На берегу Маклая в Новой Гвинее нет, собственно говоря, ни родовых, ни выборных начальников; всем взрослым принадлежит одинаковое право голоса, но между ними находятся более влиятельные, отличающиеся своим умом или ловкостью, которых люди слушаются, принимая от них советы или их мнения“.⁶

¹ Wirz (a), B. I, 114, 126—129. ² Ibid., 123. ³ Ibid. ⁴ Krieger, 430.
⁵ Beaver, 30. ⁶ Миклуха-Маклай (a), 430, прим.

Неразложившийся еще первобытно-коммунистический уклад, еще не знающий экономической дифференциации, естественно не создал и ее надстройки — власти вождей, сохраняя старую геронтократию.

У байнингов мы видим уже движение в сторону распада этого архаического уклада. Повидимому, не без связи с влиянием более развитых соседних береговых обществ (о чем ниже), здесь создались уже элементы социальной дифференциации. По словам Бургера, у байнингов, хотя и нет „настоящих вождей, обладающих традиционной силой власти“ однако, „есть влиятельные и зажиточные (*wohlhabende*) мужчины, которые берут на себя до некоторой степени роль предводителей на войне, улаживают споры между жителями округа, а также, пожалуй (*wohl*), заставляют работать на себя других людей. Влияние этих мужей покоится . . . исключительно (*lediglich*) на уважении к ним, приобретенном твердостью характера и богатством. Богатство же байнинга заключается в его насаждениях. А чтобы сделать порядочные (*stattliche*) насаждения, предпринимателю (*Unternehmer*) требуется много рабочей силы, т. е. сильная семья. Таким образом, тот, кто является главой сильной семьи, оказывается и зажиточным и влиятельным. Подобного „*primus inter pares*“ байнинг называет „*a lingiéska*“ или „*a ut mam*“ (наш отец), или же „*a urak*“ (наш друг). Со своей стороны „*lingiéska*“ называет остальных „*a aruis*“ (своими детьми)“.¹

Итак, мы здесь видим выделение определенных лиц, являющихся главами крупных „семей“, причем под этими „семьями“ должно разуместь, повидимому, большие семьи — общины. Эти патриархи, какими они по существу являются, на что указывает и титул „*a ut mam*“, и их функции, в то же время, пользуясь общественным трудом членов своей общины, создают для себя лично экономическую базу своего авторитета. Их положение позволяет им использовать чужой труд, а последний еще более повышает их вес. Что мы имеем здесь дело с главарями родственно-территориальной общины, подтверждает и сообщение Паркинсона, говорящего о „главах семей“.² Турнвальд же отмечает другую сторону их авторитета — военное предводительство. По его словам, „*a lapgiéska*“ — это храбрый выдающийся воин, который пользуется почетом и вокруг которого группируются другие мужчины.³ Это не противоречит словам Бургера, тоже отмечающего военную роль этих главарей, но указывающего и на экономическую основу их авторитета.

Одним словом, процесс разложения первобытно-коммунистического уклада здесь начался, и одним из первых его продуктов являются зародыши экономического расслоения, начало выделения имущественно привилегированных лиц, общественное положение которых дает им средства усиливать свою экономическую мощь, а последняя закрепляет их общественный вес. Отношения продолжают оставаться патриархальными, но они уже дали трещину, которая в дальнейшем, в своем диалектическом развитии, разрастается в глубокий антагонизм внутри общины.

С. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕРВОБЫТНО-КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ

Попробуем теперь подытожить вскрытые нами общие черты той социальной организации, которая для Меланезии является наиболее примитивной, и установить в общей форме основные линии динамики развития этой организации.

Основной формой общества на этой ступени развития является то, что можно назвать „первобытной коммуной“: это примитивная родственно-территориальная группа, представляющая собой в экономическом отношении сплоченный хозяйственный коллектив. Производство — в виде земледелия и подсобной охоты — носит общественный, первобытно-коммунистический характер, в том смысле, что основные работы производятся, как правило, коллективно и орга-

¹ Burger, 51.² Parkinson, 156.³ Thurnwald (b), 149.

низованно, распределение продукта носит тоже организованный характер; земля, как главный элемент средств производства, составляет общественную собственность, хотя отдельные плодовые деревья, отдельные насаждения, составляющие продукт личного труда, находятся в пользовании отдельных лиц и групп внутри общины.

Первобытная коммуна расчленена внутри прежде всего по половозрастному признаку, и это расчленение имеет в основе разделение труда. Половозрастные группы составляют самую характерную и до поры до времени единственную форму социального расслоения внутри общины. Отдельная семья едва лишь начинает обособляться внутри группы, как намечающийся зародыш той, более мелкой ячейки, которая в дальнейшем окрепнет и оформится за счет выросшей ее в своих недрах общины. Первоначально родственные связи тоже еще не обособлены от территориальных и не создают особых родовых группировок.

Что представляют собой эти родственные связи? Этот вопрос имеет очень важное принципиальное значение в связи с неоднократными высказываниями Маркса и Энгельса о роли родственных отношений на ранних ступенях развития общества. Эти высказывания основоположников марксизма нельзя понимать в том смысле, что семейные или родственные отношения составляют нечто независимое от производственных отношений и наряду с последними определяют собой общественное развитие. Именно на таком непонимании было основано возражение Каутского, старавшегося, совершенно невпопад, доказать в противовес Энгельсу, что „продолжение человеческого рода“ — это „чисто естественно-исторический процесс“, не влияющий никак на „исторические изменения“.¹

На той ступени развития общества, которую мы до сих пор рассматривали, родственные отношения не представляют собой чего-то особого от основных форм общественных связей. Вся жизнь общины протекает здесь в рамках небольших групп, в которых родственные отношения совпадают с земляческими, и в эти то отношения и облекается весь процесс „производства материальной жизни“. Следовательно, родственные отношения составляют здесь не более и не менее, как определенную форму производственных отношений.

В дальнейшем мы увидим, как с ходом общественного развития эти родственные отношения отрываются от основных форм производственных отношений и при этом приобретают более оформленный, как бы закрепленный и регламентированный вид. Мы увидим, что таким путем и создается то, что мы называем родом.

К общей характеристике изученных нами обществ надо добавить, что в них не наблюдается еще в сколько-нибудь заметной степени того экономического расслоения, которое появляется обычно в связи с накоплением продукта и с развитием обмена. Ни того ни другого условия здесь налично в достаточной мере нет. В связи с этим не обособляются еще внутри общины отдельные главы или вожди. Однако, тенденция к появлению этих более сложных общественных отношений намечается. Если у ново-гвинейских папуасов во главе общины стоят просто старики, то у байнинг мы уже видим, в связи с некоторым ростом обмена, появление патриархальной главы общины, господство которого опирается до известной степени на его экономическое превосходство — возможность располагать некоторым количеством вспомогательной рабочей силы.

В недрах первобытно-коммунистического общества зарождаются, таким образом, элементы его распада — экономического расслоения и выделения экономически господствующего слоя.

Итак, рассматривая динамику изменения структуры наиболее примитивных обществ Меланезии, мы видим, как одни элементы этой структуры постепенно ослабевают и идут на убыль, другие, напротив, усиливаются. Этот процесс,

¹ К. Каутский. Размножение и развитие в природе и обществе. Харьков, 1923, стр. 92.

являющийся процессом разложения первобытного коммунизма, мы еще будем проследивать в дальнейшем, но надо отметить, что обществ, где этот процесс еще не начался, в Меланезии нет. Уже с самого начала мы встречаем у любого народа Меланезии элементы чуждые первобытно-коммунистическому укладу, но заложенные в нем, как зародыши высших общественных форм.

Для того, чтобы лучше понять этот первобытно-коммунистический уклад и условия его происхождения и сохранения, полезно сравнить в общих чертах то, что мы нашли у папуасских племен, с австралийцами. Сходство оказывается неожиданно большим, и при этом не только в общем, но и в деталях. Общими чертами являются: жизнь небольшими родственно-территориальными группами, половозрастное деление и стариковластие, система экзогамных фратрий и тотемизм, начинающееся выделение малой семьи. О детальных совпадениях, в виде параллелей у папуасов австралийским „чурингам“,¹ идей о тотемических предках² и пр., я говорить не буду. Главными различиями между папуасами и австралийцами являются форма хозяйства и образ жизни: там — бродячие охотники, здесь — оседлые земледельцы. — Однако, эти различия не должны вводить нас в заблуждение. Они по существу не так велики.

С одной стороны, мы знаем, что в некоторых местах Австралии, в наиболее благоприятных в смысле природных условий и наиболее густо населенных областях, например, в западной Виктории и в некоторых частях западного побережья, австралийцы еще до появления белых начинали переходить к оседлости (были постоянные жилища)³ и к зачаткам земледелия.⁴

С другой стороны, не все папуасские племена перешли к полной оседлости. Мы уже знаем, что байнинги ведут кочевой, а маринд-аним полу-кочевой образ жизни. Можно назвать еще полу-кочевое племя каи в Германской Новой Гвинее⁵ — и др. Что касается земледелия, то оно местами носит весьма примитивный характер. О маринд-аним мы уже говорили, что их едва ли можно назвать настоящими земледельцами (см. выше). Племена р. Баму, существующие, главным образом, саговой пальмой, вовсе не обрабатывают земли.⁶ Население бассейна р. Мимико тоже состоит из полу-бродячих охотников-собираателей, не возделывающих земли.⁷ Таким образом высшая ступень развития австралийцев и низшая ступень развития папуасов почти смыкаются, и бояться делать сопоставления их общественного строя из-за различий в форме хозяйства не следует.

Несколько упрощая вопрос, можно было сказать, что папуасская община — это осевшая австралийская орда.

Конечно, нельзя думать, что папуасы в буквальном смысле продолжают собою линию общественного развития австралийцев. Нельзя забывать о различии специфических условий. В частности, едва ли первобытно-коммунистические отношения сохранились у австралийцев в целом лучше, чем у папуасов. Выделение семьи, например, там зашло едва ли не дальше, чем у некоторых папуасов.⁸ На это были свои причины. Именно, физико-географические условия Австралии, определившие собой форму хозяйства туземцев, обусловили, например, развитие индивидуальной охоты. Земледельческое же хозяйство папуасов с знакомыми нам уже условиями, требовавшими коллективного труда, лучше сохранило коммунистические формы общества, и поэтому в некоторых отношениях первобытно-коммунистический уклад оказывается менее разложившимся на более высокой ступени развития, у папуасов, чем на более низкой — у австралийцев.

¹ Wirz (b), 64. ² Wirz (a), passim. ³ B. Malinowski. The family among the Australian aborigines, p. 160; A. Knabenhans. Die politische Organisation bei den austral. Eingeborenen, SS. 38—39; Frazer, Tot. and exog., I, 323—324. ⁴ N. Thomas. Natives of Australia, p. 113; Gregory, в J. A. v. 16, p. 131. ⁵ Neuhaus, B. III, 9—10. ⁶ Beaver, 215. ⁷ Wollaston, 95—96, 153. ⁸ Cp. Malinowski. The family among the Australian aborigines, passim.

Точно так же, в то время как у некоторых папуасских племен социальная организация сохранила целиком геронтократическую форму, и особых „вождей“ не существует, у большинства австралийских племен (кроме квинслендских) имеются определенные „вожди“, стоящие во главе орд.

Эти обстоятельства, между прочим, должны предостеречь нас от слишком упрощенной конструкции истории доклассового общества.

Но пример австралийцев может помочь нам разобраться в материальных корнях первобытно-коммунистического уклада. Из только что проделанного сравнения ясно, что первобытно-коммунистическая организация сложилась не на почве земледельческого хозяйства, а в более раннюю эпоху. Очевидно, материальной базой ее была первобытная охота с ее примитивными орудиями. На почве отпочкования от охоты особого вида хозяйства — собирательства — создаются и условия полового разделения труда и связанные с ним половозрастные группировки.

Обосновывать подробно это утверждение, которое можно было бы подкрепить целым рядом и археологических и этнографических данных, здесь, конечно, не место, ибо это не входит в тему настоящей работы. Но подчеркнуть выставленное сейчас положение для нас важно для того, чтобы уяснить себе роль земледелия в судьбах первобытно-коммунистического общества. Не земледелие создает первобытно-коммунистическую организацию. Но оно, с одной стороны, как сейчас было указано, способствует сохранению коллективных форм труда. С другой стороны, оно же создает и условия разложения этого примитивного уклада. Именно, земледелие начинает вновь сближать разошедшиеся между собой мужские и женские трудовые занятия, и чем дальше, тем больше. С этим связано преодоление половозрастных делений, которые однако, как мы увидим позже, диалектически превращаются в некую новую форму с новым социальным содержанием — в мужские союзы. И в то же время земледелие, вместе с усиливающимся обменом, создает в недрах первобытно-коммунистического общества первое имущественное неравенство, зародыш классового расслоения. Но это уже процессы, которые надо отнести к более поздней фазе в развитии доклассового общества, к его заключительной фазе.

III. РОДОВОЙ СТРОЙ

Итак, первобытно-коммунистическая община, как мы ее видели у папуасов, обнаруживает тенденции к ослаблению общинных форм производства, к преодолению старого половозрастного деления, к вытеснению его зарождающимся внутри общины делением на малые семьи, к обособлению родственных связей от территориальных и к оформлению их в особую родовую организацию. По существу, мы имеем здесь дело с разными сторонами процесса распада первобытно-коммунистического общества. Говоря вообще, этот распад должен дать в конце концов зарождение классового общества. Но поскольку нас интересует как раз вопрос об отдельных стадиях и формах этого процесса разложения архаической формации, нам важно выяснить те переходные формы, которые создаются на определенных его (процесса) стадиях. Так как мы ближайшим образом заняты изучением вопроса о родовом строе, для нас особенно существенно установить социологическую роль и место родовой организации в названном процессе.

Если мы видим, что в первобытно-коммунистическом обществе, до его разложения, рода еще нет, и он оформляется лишь вместе с процессом распада данного уклада, нам необходимо выяснить, на какой стадии этого распада род господствует, в каком отношении его господство находится к процессу классового образования, короче говоря, для какой формации — классовой или доклассовой — и для какой ее стадии характерен род, как социальная форма.

А. ОБЩЕСТВО ТРОБРИАНДОВЫХ ОСТРОВОВ

Подобно тому, как мы для изучения первых моментов зарождения родовой организации взяли некоторые наиболее примитивные общества Меланезии, так теперь мы рассмотрим некоторые общества, где род находится, повидимому, в полном расцвете.

За образец можно взять Тробриандовы острова, расположенные у юговосточной оконечности Новой Гвинеи. Довольно обстоятельные описания жизни туземцев этих островов даны в работах Бронислава Малиновского.

Материальной основой существования жителей Тробриандовых островов является земледелие. Технически оно стоит на самом низком уровне. Единственным орудием сельскохозяйственного труда является „заостренная палка, которую делают каждый раз, идя на работу, и каждый раз бросают“, — как говорит Малиновский.¹ Однако, очень благоприятные почвенные условия дают и при этой примитивной технике богатый урожай.² Большую роль играет и рыболовство, орудиями которого служат большие сети, ловушки, крючки и пр. Довольно высоко стоит техника изделий из дерева, раковин, плетения. Но каменных и гончарных изделий собственных нет, так как острова эти кораллового происхождения, и нужных материалов для названных производств здесь нет. Зато они получают с других островов при посредстве обмена, который в этих местах вообще сильно развит.³

Таким образом, здесь мы видим, с одной стороны, такое количество сельскохозяйственного продукта, которое вполне покрывает потребности общины и оставляет избыток свободного труда, а с другой стороны, такую дифференцированность физико-географических условий, которая создала предпосылки для широко развитого межобластного обмена. Эти два материальные фактора обусловили собой появление определенной социальной организации.

Основной общественной группой на Тробриандовых островах является не изолированный поселок, а довольно большая деревня. Деревня выступает как целое в разнообразных случаях жизни. „Деревенская община эксплуатирует сообща свои сады, — говорит Малиновский, — выполняет обряды, ведет войну, предпринимает торговые экспедиции и плавает в одной лодке или лодочной флотилии, как одна группа“.⁴ Деревня состоит из семейных домов, в каждом из которых живет парная семья. Семья представляет из себя определенную хозяйственную ячейку. Хотя формы землевладения довольно сложны и запутаны, но каждая семья имеет определенный участок, на котором муж и жена обычно вместе работают, или же муж охотится и ловит рыбу, а жена собирает плоды и т. п.⁵ Индивидуальный брак, создающий такую семью, представляет собой достаточно сложившийся институт, причем чаще всего брак заключается по свободному выбору.⁶

Но это совершенно не значит, что индивидуальная семья является единственной, господствующей и самостоятельной социальной (хозяйственной) единицей. Далеко от этого. Наряду с семейными связями существуют другие, не менее сильные.

Характерно, во-первых, что имущество у мужа и жены раздельно.⁷ Далее замечателен обычай, согласно которому подрастающий мальчик живет не в доме родителей, а у материнской родни, иногда в другой деревне.⁸ Роль материнской родни, в частности материнского дяди, больше, чем роль отца. Отец вообще

¹ Malinowski (a), 2.

² Ibid. По мнению Малиновского, получаемый урожай превосходит вдвое потребности общины и непотребленная часть обычно просто сгнивает (Malinowski (b), 52).

³ Malinowski (a), 2.

⁴ Malinowski (b), 57, также 70.

⁵ Malinowski (c), 14—15. „Нормальный день в типичном хозяйстве (household), — замечает Малиновский, — заставляет семью жить в интимном кругу (in close intimacy): члены ее спят в одной хижине, едят совместно и проводят

вместе лучшую часть и работы и досуга“ (Ibid., 20).

⁶ Ibid., 80—81 и др.

⁷ Ibid., 20.

⁸ Ibid., 9—10.

считается чужим человеком для своих детей, что сказывается в обозначении отца словом „tomakava“ — stranger, outsider, как переводит Малиновский.¹ Правда, Малиновский подчеркивает психологическую, эмоциональную близость между отцом и детьми, но по господствующему обычаю целый ряд прав и обязанностей связывает человека с материнским дядей гораздо теснее, чем с отцом.² Наконец самое поразительное явление это то, что собранный семьею урожай, как правило, лишь в небольшой части (по вычислениям Малиновского) идет на собственное потребление семьи, а значительная его часть отдается замужним сестрам главы семьи.³ Таким образом, человек кормит продуктами своего земледельческого труда не столько свою жену и семью, сколько своих сестер, а с другой стороны, получает потребные запасы более от родни своей жены, чем из собственного сада. Этот поразительный факт, вместе с выше-приведенными, свидетельствует о том, что экономические связи, идущие по линии материнской родни, сильнее и крепче, чем семейные связи.

И в самом деле, на Тробрианских островах мы находим определенную, хорошо сложившуюся материнско-родовую организацию. Здесь существуют 4 большие тотемические группы (так называемая kumila), которые Малиновский называет „кланами“. Они делятся на „субкланы“, принадлежность к которым определяется по женской линии.⁴ Именно эти „субкланы“ являются определенными социальными группами, внутри которых существуют вполне реальные связи, и именно их следует называть родами. „Настоящая солидарность господствует только между членами одного субклана“, — говорит Малиновский.⁵ В чем же проявляются родовые связи, и в каком смысле род оказывается социальной единицей?

Род или „субклан“ — это локальное подразделение тотемической группы, одного из 4 „кумил“. „Каждая локальная община состоит из людей, принадлежащих к одному единственному субклану, имеющих общие права на усадьбу (village site), на окружающие сады, и ряд местных привилегий.“⁶

Несколько таких родовых общин составляют деревню.⁷ Один из родов в каждой данной деревне является преобладающим, и деревня считается как бы „находящейся в обладании“ этого рода или „принадлежащей“ ему („belongs to“ или „owned by“ a subclan), и главарь этого рода занимает положение деревенского вождя.⁸ Таким образом, род на Тробрианских островах — это часть деревни, промежуточная группа между деревней и отдельной семьей.

Разграничить точно роль и функции каждого из этих трех типов общественных групп — семьи, рода и деревни — чрезвычайно трудно. Даже по отношению к одной определенной сфере деятельности — к земледелию — это едва ли возможно в полной мере. Малиновский указывает, что вопрос о земельной собственности у туземцев крайне сложен. Ему приходилось выслушивать, что вождь есть хозяин всей вообще земли; что земля — коллективная собственность деревни; что у каждого участка есть свой владелец, и, наконец для отдельных участков ему указывали на несколько владельцев сразу,⁹ а в цитированном выше месте Малиновский говорит о родовой земельной собственности. Нас не удивляет эта неприменимость норм буржуазного римского права к меланезийскому землевладению, но для нас важно подчеркнуть переплетение форм коллективной собственности и индивидуального владения землей.

Такое же переплетение сказывается и в самой производственной деятельности. Часть работ производится коллективно, например, вырубание деревьев (мужчинами), полка грядок (женщинами). Как общее правило, организация земледельческих работ, обряды, связанные с началом их и с определенными дальнейшими моментами — все это дело всей деревенской общины в целом,

¹ Ibid., 4. ² Ibid., 5—6; (b), 71—72. ³ Malinowski (e), 103; (b), 61; (a) 8. — Еще часть идет на подарки вождю. ⁴ Malinowski (b), 70—71. ⁵ Ibid., 70. ⁶ Malinowski (e), 417. ⁷ Ibid. ⁸ Ibid., 26, 112. ⁹ Malinowski (a), 3.

все это совершается под руководством деревенского вождя и колдуна.¹ Но часть работ, повидимому, производится силами отдельных семей,² а как распределяется продукт, мы уже знаем.

Всего труднее тут определить роль как раз родовой организации, роль ее как формы производственных отношений. Оценивать ее слишком высоко не следует, ибо родовые хозяйственные связи носят, как мы видим, довольно расплывчатый характер. Если основываться на приведенных словах Малиновского, что род—это локальная община, часть деревни, то роль этой группы становится более понятной, ибо родовые связи, таким образом, оказываются совпадающими с территориальными, подобно тому, как мы это видели на более низкой ступени развития. Но к этому сообщению следует отнестись критически. Едва ли материнско-родовая организация может при патрилокальном браке, который, по сообщению Малиновского, здесь господствует,³ совпасть с территориальной.⁴

В чем же проявляется единство рода, как хозяйственной единицы? Об этом мы узнаем очень мало. Важной формой экономических связей внутри рода является то наследование имущества по женской линии, которое связано с матрилинейным счетом родства. Имущество переходит по наследству, как правило, от материнского дяди к племяннику, и тем самым сохраняется постоянно в роде.⁵ Эта имущественная связь, повидимому, укрепляет социальную солидарность, объединяющую членов рода.

Помимо этого, о родах на этих островах известна только одна характерная подробность, связанная с довольно далеко зашедшим здесь процессом социального расслоения. Это—идея ранга, присвоенная определенным родам: некоторые роды считаются аристократическими, другие занимают менее почетное положение в обществе, третьи стоят на самом низу общественной лестницы.⁶ Притязания на определенный ранг обосновываются соответствующими мифологическими преданиями, связывающими каждый род с известными прародителями и с определенной местностью.⁷ Различия ранга проявляются в известных ритуальных нормах, регулирующих социальное поведение,⁸ но реальное значение их едва ли велико.

Имея, таким образом, перед собою оформленную материнско-родовую организацию, мы должны рассмотреть вопрос о том, каково в этих условиях социальное положение женщины. Того разделения полов, как на предыдущей ступени развития, мы здесь не видим. Известные возрастные градации есть, но социальное значение их близко к нулю.⁹ Особые дома юношей имеются, но они служат главным образом целям устройства добрачных связей, которые здесь заключаются совершенно свободно.¹⁰ Оба пола живут вместе и в добрачной и в брачно-семейной жизни. В связи с этим и положение женщины в семье и в обществе оказывается достаточно высоким. Совершенно равноправным с мужчиной, а тем более господствующим, это положение назвать нельзя. Женщина не пользуется некоторыми правами и привилегиями, которыми пользуется мужчина. Она не участвует в племенных собраниях, в обсуждении общественных дел.¹¹ Женщина не бывает родовым старшиной или вождем.¹² Она не принимает участия в особой системе ритуального обмена—кула (о которой будет речь ниже), не участвует в торговых экспедициях и пр.¹³ Она даже не владеет землей, хотя земледелие—ее главная функция.¹⁴ И тем не менее женщина занимает сравнительно почетное положение в обществе. Количеством женщин в деревне гордятся. Убийство девочек здесь неслыханная вещь.¹⁵ Женщина из родов высокого ранга разделяет весь почет и все приви-

¹ Ibid., 4—6. ² Malinowski (e), 14—15. ³ Ibid., 5, 82—83. ⁴ Cp. Malinowski (b), 70.
⁵ Ibid., 55. ⁶ Ibid., 63, (e), 25—26, 420—421; (d), 75. ⁷ Malinowski (b), 63; (e), 418—420; (d), 52. ⁸ Malinowski (b), 152. ⁹ Malinowski (e), 51. ¹⁰ Ibid., 53—54, 60 и др.
¹¹ Ibid., 30—31. ¹² Ibid., 29. ¹³ Ibid., 29—30, (b), 280—281. ¹⁴ Malinowski (e), 30—31.
¹⁵ Ibid., 24—25.

легии, принадлежащие им.¹ В магическо-религиозных обрядах и верованиях женщина играет не меньшую роль, чем мужчина.² В связи с этим женщины не держатся здесь так замкнуто и пугливо, как на других островах. Малиновский отмечает, что они очень милы, любезны и непринужденны в обращении.³

Возвращаясь к упомянутому выше факту социального расслоения („аристократические“ роды), постараемся выяснить, что служит его основой. В непосредственно известном нам материале нельзя найти прямых указаний на это. Но едва ли можно сомневаться, что главную роль здесь сыграло сильное развитие обмена.

Выше уже указывалось на то, что материальными условиями развития обмена послужили различия в физико-географическом характере отдельных островов. Но, создавшись в связи с необходимостью покрыть некоторые потребности путем импорта отсутствующих в данном месте материалов, обмен здесь развился и дальше, дойдя до степени чрезвычайно сложной системы экономических и ритуальных связей, охватывающих целые архипелаги островов и устанавливающих между определенными лицами и группами постоянные, ритуально-закрепленные отношения. Это — знаменитая система „кула“, столь подробно описанная Малиновским.⁴ Излагать подробности этой системы едва ли стоит, но в основном она сводится к перманентной циркуляции определенных ценностей — ожерелий из красных раковин и белых раковинных браслетов. Оба вида ценностей обмениваются друг на друга, но их обращение не останавливается после однократного акта обмена, а продолжается дальше, причем эти предметы постепенно переходят из рук в руки, описывая широкий круг, или, вернее, два встречных круга, по целому архипелагу — кольцу островов. С этой системой обмена тесно связаны разнообразные межплеменные отношения как экономического, так и всякого иного характера. Каждый акт обмена сопровождается особо выработанным ритуалом, и вся система „кула“ пропитана сложным комплексом магических обрядов и мифологических верований. В этой системе и занимает определенное иерархическое положение тот или иной член общины согласно своему социальному рангу. Определенное место в системе кула или наследуется (часто от отца, вопреки общей матрилинейной филиации), или покупается за деньги. Главное место принадлежит в этой системе вождям; с другой стороны, низшие слои населения отдельных деревень и даже целые общины совершенно не участвуют в кула.⁵ Не участвуют в ней, между прочим, и женщины.⁶ Все это оправдывает до некоторой степени взгляд миссионера Бромиллова, назвавшего систему кула „орденом“, в который „допускаются только вожди и старшины“.⁷

Важно подчеркнуть, что таким образом обмен, создавшись в силу совершенно материальных причин, как бы в значительной мере оторвался от своей производственной основы, ритуализировавшись и превратившись (субъективно) в некую самоцель. Ценности, обращающиеся в описанной системе, имеют весьма небольшое реальное значение. Их потребительная стоимость сказали бы мы, несоизмерима с их меновой стоимостью. Сам Малиновский подчеркивает, что главную ценность эти вещи, по существу — украшения, имеют не сами по себе, а по тем историческим и мифологическим ассоциациям, которые с ними связаны, и он сравнивает их при этом с коронными драгоценностями европейских царствующих домов.⁸ Этот факт только лишний раз показывает происхождение категории „ценности“ (стоимости, Wert) из чисто общественных условий, и вместе своеобразие этой экономической категории в разных социально-экономических формациях.

¹ Ibid., 26, 29.

² Ibid. 32—34, 36—40 и др.

³ Malinowski (b), 52—53.

⁴ Ibid.,

passim. ⁵ Ibid., 91—92, 275—280.

⁶ Ibid., 280—281.

⁷ „To the Order only chiefs and

headmen are admitted“ (Bromilow, 128).

⁸ Malinowski (b), 86—90.

Но эти виды ценностей — не единственные объекты накопления. Еще более общий характер имеет накопление просто продуктов земледелия, которых, как мы видели, производится здесь больше, чем необходимо для потребления, причем накапливаемый избыток каждый год пропадает. Однако он вновь и вновь возобновляется, и каждое хозяйство имеет особую постройку — амбар для клубней ямса, где эти запасы складываются просто для парада.¹ Они же специально демонстрируются на больших праздниках.²

Это накопление разного вида богатства и связанное с ним имущественное неравенство — являются и главной основой власти упоминавшихся уже выше вождей. Вождь на Тробрианских островах — это по происхождению, повидимому, глава родственно-территориальной общины, вероятно, занимавший когда-то положение, сходное с „лингеска“ байнингов. По Малиновскому, каждый вождь — это прежде всего главарь того рода, который господствует в данной деревне.³ Поэтому достоинство вождя наследуется, вместе с принадлежностью к известному роду, по женской линии.⁴ Правда, об этих родовых главарях мы больше почти ничего не знаем, но легко догадаться, что их роль была вначале похожа на роль упомянутых старшин у байнингов. И сейчас еще вождь продолжает выполнять ряд функций хозяйственного руководства общиной: он устанавливает сроки начала земледельческих работ, организует порой различные общественные работы — по постройке лодок, домов, рыбной ловле и пр.⁵ Помимо этого вождь есть традиционный распорядитель на общественных праздниках, церемониях и пр. и „главный оратор“, т. е. представитель общины в ее внешних сношениях.⁶ Но реальную власть придают вождю не эти его функции, а происхождение из знатного рода,⁷ а самое главное — его богатство и высокое положение в упомянутой системе кула.

Роль тробрианского вождя, как центра внутри-общинных и меж-общинных отношений, как своего рода фокуса, куда стекаются и откуда расходятся потоки разнообразных ценностей, я старался охарактеризовать в статье об „Общественном строе меланезийцев“, где указаны и главнейшие формы движения ценностей вокруг вождя и влияние этого на его власть и авторитет. Опираясь на свое экономическое превосходство для расширения сферы своего влияния, и обратно, используя последнее для дальнейшего накопления ценностей, крупный влиятельный вождь достигает высокой степени могущества. Так, самый известный вождь главной общины острова Бойова — деревни Омаракана — имел в сфере своего влияния около 60 деревень. У него было до 60 жен, ибо каждая община по обычаю давала вождю одну из своих женщин в жены, и, согласно упомянутому выше обычаю получения припасов от родичей жены, у него скопилось ежегодно, по подсчетам Малиновского, по 300—350 т ямса.⁸

Где имеется такой крупный вождь с широкой сферой влияния, там устанавливаются отношения субординации между ним и менее крупными вождями деревень: они становятся по отношению к нему „вассалами“, по выражению Малиновского,¹⁰ и они-то и должны снабжать своего „сюзерена“ женами.¹¹

Чтобы еще более подчеркнуть экономическую супрематию крупного вождя, приведу некоторые цифры, собранные тем же исследователем. Из всего „народного богатства“ данной территории, выражающегося в частности в свиньях, кокосовых и бетелевых орехах, $\frac{3}{4}$ принадлежат, по словам Малиновского, вождю, который распоряжается этим богатством через своих особых уполномоченных, хранителей этих запасов по отдельным деревням.¹² Главный вождь острова Киривина получал в прежнее время, по подсчетам Малиновского, от 30% до 50% всей земледельческой продукции острова.¹³ В называвшейся уже не раз системе кула до 80% всех циркулирующих ценностей принадлежит вождям.¹⁴

¹ Ibid., 169.² Ibid., 170—172.³ Malinowski (e), 26, 112; cp. C. Seligman, 632.⁴ Malinowski (e), 10—12.⁵ Malinowski (a), 4, 7.⁶ Malinowski (b), 62—63.⁷ Ibid., 63.⁸ „Этнография“, 1929, № 2.⁹ Malinowski (e), 111—112.¹⁰ Malinowski (b), 66—67.¹¹ Ibid., 64.¹² Malinowski (a), 10.¹³ Malinowski (b), 64.¹⁴ Malinowski (a), 10.

Несмотря однако на такой, повидимому, огромный имущественный контраст между верхушкой общества и его низами, несмотря на кажущийся абсолютным авторитет вождя, мы никоим образом не должны переоценивать этих явлений. По существу, классовых различий здесь еще нет, ибо нет тех социальных групп, которые различались бы между собой по своему отношению к средствам производства, т. е. прежде всего к земле. Земля—в значительной мере еще общинная собственность, поскольку же зарождается частное землепользование оно доступно всем и каждому, и монопольных землевладельцев, т. е. феодалов—нет. Это общество еще целиком доклассовое. Соответственно этому, и авторитет вождя, при всем своем значении, имеет еще патриархальный характер. Вождь лишен принудительного аппарата власти, и авторитет его основан сущности на моральном уважении,—не в смысле этическом, конечно, а в смысле того престижа богатства, который пропитывает всю социальную психологию туземцев Тробриантовых островов.¹ Правда, с другой стороны, вождь пользуется иногда и репрессивными мерами, но только магического характера, через подчиненного ему колдуна, который является в данном случае магическим палачем.² Но этот факт не изменяет существа дела. Государства, даже примитивного, здесь нет, поскольку государственная организация есть аппарат насилия в руках господствующих классов.

Важно отметить в связи с этим и отсутствие широких и прочных социальных объединений. Названные выше большие тотемические союзы—кумила, состоящие из отдельных родов, и распространенные по всему острову, не представляют собой реально-значимых социальных единиц. Только в некоторых общественных церемониях они выступают как некое целое,³ свидетельствуя тем о своем реликтовом характере. Объединения чисто территориального порядка до известной степени существуют, поскольку целый ряд деревень входит в сферу влияния определенного вождя, но эти объединения слишком аморфны и непрочны. В основе их лежат определенные экономические связи—разные формы обмена, но эти связи еще не создали прочных племенных объединений. Племена, как оформленной социальной единицы, на Тробриантовых островах еще нет, как нет даже племенных названий.

Итак, резюмируем основные черты общественного строя туземцев Тробриантовых островов. Сравнивая этот общественный строй с тем, что мы видели у ряда папуасских племен, мы здесь открываем много существенно нового.

1. Если на примитивной ступени основная социальная единица—это простая по структуре и сравнительно замкнутая в себе родственно-территориальная община, то здесь общественная жизнь протекает в более сложных и разнообразных рамках: вместо одной господствующей, здесь имеются в сущности три несовпадающих и конкурирующих между собой общественных единицы: это семья, деревенская община и родовая группа. Как в формах (земельной) собственности, так и в организации труда, земледельческого и всякого иного, мы видим переплетение узко-семейных, родовых и обще-деревенских форм. Таким образом, производственные отношения, на более ранней ступени имевшие очень простую форму родственно-территориальных, первобытно-коммунистических связей, теперь как бы расщепляются, принимая более сложный вид: частью они сохраняют коммунистический характер, связывая вместе жителей всей деревни; но наряду с этим укрепляются индивидуальные формы хозяйства и собственности в виде хозяйства отдельной семьи; и наконец, создаются особые родовые формы, основанные на одностороннем материнском счете родства,—не семейные и не чисто-территориальные, в некотором отношении промежуточные между теми и другими.

¹ Malinowski (b), 65, 134—135, 467—468.
 Malinowski (e), 421.

² Ibid., 64—65; (a), 10—11.

³ Mali-

2. Более сложная, в смысле своей внешней структуры, община становится на этой ступени и менее однородной по своему социальному составу. В ней намечается весьма определенное расслоение, основанное на новом признаке — имущественном. Более эффективное земледелие и более развитый обмен создают здесь известное имущественное неравенство, накопление ценностей в руках отдельных лиц и групп. В связи с этим, взамен прежних стариков — руководителей общины, здесь появляются вожди, по происхождению тоже старшины общины, но имеющие уже собственный экономический базис своего общественного авторитета. Тем самым прежнее половозрастное деление преодолевается зачатками нового — имущественного расслоения. С ликвидацией первого связано сближение полов в социальной жизни и относительно очень высокое положение женщины.

В. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ОБЩИН

Попытаемся теперь, как это мы делали для более простых обществ, собрать сравнительный материал по другим частям Меланезии, для того, чтобы выяснить, в какой мере существующие на Тробрианских островах социальные формы являются типичными, и для какой именно стадии развития общества. В частности, нам особенно важно на сравнительном материале установить распространенность и характер родовых групп в Меланезии, выяснить их существенные признаки, соотношение их с другими социальными единицами — семьей и деревенской общиной и, наконец, наметить дальнейшие судьбы родовой организации в процессе перехода к высшим стадиям развития общества. Попутно мы коснемся и других, связанных с этой проблемой, сторон общественной жизни.

1. Материнский род

Что представляет собой родовая организация в Меланезии? Выяснение этого вопроса, являющегося, в сущности, основным для всей настоящей работы, должно, между прочим, дать материал для формального определения рода, как такового.

О существовании родовых групп в самых различных местах Меланезии имеется очень много указаний, но о том, что они собой представляют как общественные группировки, сведений, к сожалению, чрезвычайно мало, в особенности мало данных, относящихся к экономической стороне родовой организации.

Ввиду важности для нас этого вопроса, я постараюсь привести вкратце все, что мне удалось собрать в разных источниках на этот счет.

Соседние с Тробрианскими острова Маршал-Беннета имеют родовую организацию, повидимому, сходную с описанной, но о ней известно очень мало. Здесь есть экзогамные тотемические роды с женской филиацией. При этом любопытно, что тотемическая табуация (запрет убивать и есть свое тотемическое животное) относится не только к тотему своего рода, но и к отцовскому. В прежнее время на отцовский род простирался и экзогамный запрет.¹ Эти факты можно понять как пережитки переходного состояния билатеральных родственных группировок, промежуточных форм на пути к созданию материнского рода (см. выше, Сов. этн., 1933, № 2, стр. 65—69). Каждый род имеет своего главаря. На каждом островке один из родов считается в силу традиции главным, и его старшина является *ex officio* вождем („*guap*“) всего острова.²

¹ C. Seligman, 684, 688.

² Ibid., 671, 686, 701.

На острове Добу есть экзогамные тотемические роды с женской филиацией. Каждый род занимает определенный поселок, и экзогамия имеет, следовательно, локальный характер.¹ Возможно, что это сообщение Бромила следует понимать в смысле наличия здесь матрилокального брака, но прямых указаний на это нет.²

У мекео в Британской Новой Гвинее имеется ряд родов, называемых *rangua*, каковым словом обозначают также и „деревню“.³ Однако, род не совпадает с деревней, так как в последней живут части различных родов, разбросанных по нескольким или даже многим деревням.⁴ Счет родства идет по мужской линии.⁵ Каждый род имеет свой общественный дом. У рода имеется два вождя: один — высший главарь, другой — военный предводитель.⁶ Род делится на более мелкие группы — *ikiuri*, состоящие из 30—50 хозяйств каждая. С другой стороны, роды соединяются в более крупные объединения — *ngoru*.⁷

Такие же роды с мужской филиацией имеются у других племен Британской Новой Гвинее — у *рооро*,⁸ у *коита*.⁹ У *мукауа* каждая деревня состоит из 1—2 родов с особыми вождями во главе. Счет родства отцовский.¹⁰

У племен группы *кивай* той же области отмечены тотемические роды с мужским счетом родства, всегда экзогамные. Связь между членами рода очень крепка, они считаются как бы братьями. Сородичу оказывают помощь во всех необходимых случаях, гостеприимство, мстят за его обиду. При всяких распрях между односельчанами группировка партий обычно происходит по родам. Каждый крупный род имел прежде свой особый общественный дом или отдельные помещения внутри обще-деревенского дома. Земля в основном тоже принадлежит роду. В сражениях люди одного рода, оказавшиеся во враждующих группах, не нападают друг на друга.¹¹

У племен *гирара* (там же) члены рода, „хотя и принадлежащие к разным деревням, всегда считаются как друзья и братья“.¹²

На островах Адмиралтейства у племени *моанус* имеется 14 экзогамных тотемических родов, следующих материнской филиации. Во время войны люди, принадлежащие к одному роду, не нападают друг на друга. Воровства у членов своего рода тоже не бывает. Напротив, считается нужным оказывать гостеприимство сородичам, происходящим из другой местности, помогать им во время кораблекрушения.¹³

В северозападной части Новой Ирландии существуют такие же материнские экзогамные тотемические роды. Нарушение экзогамного запрета карается смертью. „Люди, обладающие одним и тем же ману (тотемом, т. е. сородичи. *С. Т.*), считают друг друга близкими родственниками, хотя бы они были лично совершенно чужими один другому. Они оказывают взаимно друг другу гостеприимство в своих домах и угощают, как если бы они были старыми друзьями или знакомыми“. Во время войны люди действуют отрядами, составленными из сородичей. Если в рядах враждующих сторон оказываются отряды одного и того же рода, они избегают сражаться друг с другом. Люди одного рода обычно действуют вместе в различных случаях. Так, Паркинсон сообщает о случае покушения на жизнь одного белого торговца, причем участвовали в заговоре только члены одного рода.¹⁴

На восточном берегу того же острова (округ *Сиара*) и на соседних островах *Танга* и *Анери* Паркинсон насчитывает 8 родовых групп экзогамного и тотемического характера. Члены разных родов считаются различающимися по некоторым физическим признакам.¹⁵

¹ G. Brown, 29—31 — по Бромилову.

² Cp. Bromilow, 126.

³ C. Seligman, 312.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., 16 note.

⁶ Ibid., 342.

⁷ Ibid., 336—337.

⁸ Ibid., 199 и след.

⁹ Ibid., 49—50.

¹⁰ Ibid., 740—742, 744.

¹¹ Landtman, 185—194, 197; Beaver, 172, 180—183.

¹² Beaver, 202.

¹³ Parkinson, 392—393.

¹⁴ Ibid., 649—650.

¹⁵ Ibid., 652.

В округе Лаур на том же острове миссионер Абель насчитывает свыше 4 десятков родов (*Geschlechter, Familien, Stämme*), экзогамных, с материнским счетом родства, и являющихся подразделениями 2 экзогамных фратрий. Названия тридцати девяти он приводит.¹ Кремер сообщает о существовании своих старшин или главарей у этих родов, носящих тотемический характер. Главварь обладает таинственной властью над родовым тотемом и между прочим пользуется его силой для табуации тех или иных запасов пищи от всех нечленов рода.²

На полуострове Газели острова Новой Британии 2 экзогамные фратрии делятся на экзогамные материнские роды (называемые *a vuna taréi*). Женщина и после замужества не входит в род мужа, а остается членом своего прежнего рода.³ На северном побережье и на маленьком островке Уатом вся земля принадлежит целым родам. Члены рода могут свободно пользоваться отдельными участками родовой земли, но распоряжаться своими участками не могут без разрешения старшины рода (*Sippenälteste*). Бургер подчеркивает, что в этих случаях требуется разрешение именно родового старшины, а не деревенского вождя — *luluai*.⁴ Впрочем, родовое землевладение господствует, по Бургеру, только в прибрежных местах, а во внутренних частях полуострова существует индивидуальная земельная собственность.⁵ Однако, наследование имущества идет и здесь по женской линии, не выходя из рода.⁶

У живущего несколько южнее, на восточном берегу Новой Британии, племени сулка, каждая из двух экзогамных фратрий с материнской филиацией делится на роды, называемые „*kha*“ (ветви) или „*ngausie*“ (лианы), и имеющие определенные имена: их известно по 9 для каждой фратрии.⁷ Заметим, что сулка — едва ли не единственное племя с папуасским языком, имеющее оформленную материнско-родовую организацию.

Переходя к Соломоновым островам, мы находим в округе Буин (Буим) на юге острова Бугэнвилль систему материнских экзогамных тотемических родов. Уилер перечисляет их 26.⁸ Члены каждого рода считают друг друга родственниками.⁹

Такая же система имеется на соседних островках Моно и Алу, но с той разницей, что число родов здесь меньше и что названия их отличны от названий их тотемов, тогда как роды в Буин имеют тотемические названия.¹⁰ Самое интересное то, что при этих различиях названий роды островов Моно и Алу самими туземцами отождествляются с аналогичными родами области Буин,¹¹ что фактически означает расширение пределов отдельного рода за границы, разделяющие целые острова.

На Шортландских островах существует такая же система. Экзогамные материнские тотемические роды образуют здесь очень важные общественные деления. Число их Браун определяет, со слов Мак-Дональда, в 9,¹² но, повидимому, их больше.¹³ Члены одного и того же тотемического рода могут жить далеко друг от друга, даже на разных островах: „даже люди, говорящие на совершенно различных диалектах или языках, — говорит Риббе, — например, туземцы северо-восточного берега Бугэнвиля, по сравнению с прочими, могут принадлежать к одному и тому же тотему“.¹⁴ — „Нет ничего удивительного в том, — продолжает он, — что даже во время войны определенные люди из враждебных деревень переходят в ту и другую сторону, и их не убивают, ибо их защищает их тотем“.¹⁵ В каждой деревне имеются представители нескольких родов. У каждой родовой группы есть свой общественный дом и свой старшина, подчиняющийся вождю всей деревни. Последним является главварь одного из

¹ Abel, 221 note. ² Krämer, 36. ³ Burger, 24—25, 27—28. ⁴ Ibid., 17. ⁵ Ibid.
⁶ Ibid., 31. ⁷ Parkinson, 177; Burger, 4. ⁸ Wheeler, 42. ⁹ Thurnwald (a), 124.
¹⁰ Wheeler, 43. ¹¹ Ibid., 41. ¹² G. Brown, 212. ¹³ Ribbe, 140. ¹⁴ Ibid., 140—141.
¹⁵ Ibid., 141.

родов, повидимому, господствующего количественно.¹ Вся земля принадлежит или всей деревне коллективно, или отдельным родовым группам в ней. Частной земельной собственности по существу нет, и каждый имеет право занять и обрабатывать любой свободный участок на родовой или деревенской земле.² Родовые деления играют роль и на разных праздниках и церемониях, при которых люди группируются по родам.³ Возможно, что смысл такого порядка заключается в устранении вспышек межродовой мести, которая именно в таких случаях раньше осуществлялась.⁴

На острове Флорида Кодрингтон насчитывает 6 родов или „кема“, экзогамных, с материнским счетом и с тотемическими чертами. В каждой деревне можно видеть представителей разных кема, местами всех шести. Каждая местная деревенская группа того или иного рода имеет своего главаря, а главарь рода, численно преобладающего в деревне, является обще-деревенским вождем (как это мы видели, например, на Тробриановых островах).⁵ Эти родовые группы считаются хозяевами определенных земельных пространств, расчищенных для земледелия („матанга“), но отдельные их члены пользуются своими участками в пределах этой общеродовой земли не только пожизненно, но и наследственно. При этом, характерным образом наследование земли, исстари окультуренной и освоенной родом, идет по женской линии, не выходя из рода, но земля, вновь расчищенная единоличным трудом человека, переходит по наследству к его сыну.⁶ По отношению к личному имуществу правилом тоже является наследование сородичами, но имеется тенденция перехода к наследованию по мужской линии.⁷ 6 родов, названия которых Кодрингтон приводит, возможно, представляют собой результат расщепления первоначально меньшего числа — двух-трех групп, что дополнялось иммиграцией с других островов.⁸ В настоящее время, если постоянной и прочной хозяйственной единицей является локальная часть рода, живущая в данной деревне, то все же известное сознание солидарности существует и между членами кема, живущими в разных местах. Так, Кодрингтон сообщает, что сородич (член того же кема), происходящий из чужой и враждебной местности, не считается все же врагом, и в случае плена ему не грозит обычная участь быть убитым (Codrington, 346).

На острове Сан-Кристовал в округе Арози каждая деревня состоит из отдельных групп хижин, занимаемых особыми родовыми общинами. Всего родов на острове насчитывается 10—12, имеющих свои определенные имена. Но в большинстве деревень имеются лишь члены 2—3 родов. Род является очень важной социальной группой. Как и на Флориде, он, вернее его местные подразделения, является хозяином земли. „Земельная собственность находится в руках рода“, — говорит Фокс,⁹ — хотя, повидимому, отдельными участками этой родовой земли люди часто пользуются и индивидуально.¹⁰ Помимо этого, между сородичами широко практикуется взаимопомощь, взаимная поддержка, кровная месть за убийство сородича и пр.¹¹ В затруднительных случаях, например, род помогает своему члену уплатить долги с правом рассчитаться за помощь впоследствии.¹² Члены своего рода признаются родственниками, даже если происходят из другой местности, хотя бы там данный род имел другое название. В последнем случае, как говорят, родство определяется по линиям руки, и сородич всегда пользуется правом гостеприимства.¹³ Род является до известной степени опекуном своих членов и, например, для заключения брака необходимо согласие сородичей.¹⁴ Каждый род имеет, далее, свое наследственное кладбище,¹⁵ свой запас имен, из которого даются имена его членам,¹⁶ своих тотемов, по имени которых, однако, роды не называются.¹⁷

¹ Ibid., 141.² Ibid., 116.³ Ibid., 102—103.⁴ G. Brown, 212.⁵ Codrington,

ton, 29—33.

⁶ Ibid., 61—63.⁷ Ibid., 63.⁸ Ibid., 30—31.⁹ Fox, 13, 301.¹⁰ Ibid., 301.¹¹ Ibid., 12—13.¹² Ibid., 301.¹³ Ibid., 13.¹⁴ Ibid., 14.¹⁵ Ibid., 303.¹⁶ Ibid., 302.¹⁷ Ibid., 15—17.

Один из родов — Араха считается высшим, родом вождей, и по целому ряду обычаев и привилегий отличается от других родов. Этот род, между прочим, не экзогамен и не придерживается одной какой-либо филиации.¹ Все остальные роды (кроме одного, иммигрировавшего с острова Малаиты) экзогамны и следуют материнской филиации. Они имеют тотемический характер.²

На соседнем маленьком острове Санта Анна существуют такие же роды, числом 5. Вся собственность — земля, кокосовые деревья и пр. принадлежит этим родам. Они имеют определенные имена, из них 3 тотемического характера.³ Члены рода чувствуют себя близкими друг другу. Фокс рассказывает, что при совместных путешествиях людей из разных родов, члены каждого рода варят себе пищу в особом горшке.⁴

О других Соломоновых островах имеются только самые отрывочные сведения, но, повидимому, дело обстоит в большинстве случаев так же, как на Флориде, Сан-Кристовале и др. Так, на острове Гуадальканар имеется 6 экзогамных тотемических родов (кема),⁵ на острове Изабель — 3 экзогамные тотемические группы, называемые *vinahuhi*; в северозападной части острова они делятся на ряд (6+9+12) более мелких родовых групп.⁶ На острове Сабо известно 5 экзогамных родов, называемых *раву*, с женским счетом родства и с тотемическими чертами.⁷

То же можно сказать и об островах Ваниколо, где есть 10 экзогамных тотемических родов с женским счетом,⁸ и Рифовых островах, где насчитывается 8 экзогамных групп (мате), повидимому, с женским же счетом.⁹

На островах Санта-Крус Joest нашёл 12 тотемических родовых делений, Durrad — 9, а Риверс только 4, но в то время, как Joest нашел, что в них господствует материнская филиация, Durrad и Риверс утверждают, что они следуют отцовской: возможно, что дело идет о разных географических районах.¹⁰

На Торресовых островах известно 3 крупных экзогамных деления, распадающихся на ряд более мелких (4+4+2), которые называются метавив. Их имена Риверс приводит, но социальная роль их неизвестна.¹¹

Из группы Банковских островов такие же, повидимому, родовые экзогамные группы имеются прежде всего на острове Мерлав, где они называются тагатага. Их там не менее 10, каждая имеет свое название и свою легендарную историю, но тотемических черт в них незаметно.¹²

На других Банковских островах имеющиеся там 2 экзогамные фратрии, так называемые ве́ве, делятся каждая на ряд групп (на Мота их известно всего 13), имеющих свои определенные имена. Общее название этих групп тоже ве́ве. Счет происхождения материнский. Лица, принадлежащие к различным группам, считаются разняющимися между собой по характеру.¹³

Обращаясь к Ново-Гебридским островам, мы находим родовую организацию на острове Пятидесятницы в виде так называемых верана. Работавший здесь Риверс смог узнать об этих верана очень немного. Он узнал только, что эти верана являются коллективными владельцами лодок и что, по словам туземцев, в прежние времена, все вообще имущество принадлежало не отдельным лицам, а целым верана, или, по крайней мере, в случае смерти владельца поступало в распоряжение его верана.¹⁴ Верана являются экзогамными группами.¹⁵ В недавнее время социальную организацию южной части острова исследовал миссионер Таттвен (Tattevin), который сообщает о существовании здесь целого ряда тотемических родов, экзогамных и с отцовской филиацией,¹⁶ повидимому, соответствующих упомянутому верана. Названия этих родов однако

¹ Ibid., 14, 181—190, 296—298, 301.² Ibid., 10, 12.³ Ibid., 71—72.⁴ Ibid., 72.⁵ Rivers (a), v. I, 243.⁶ Ibid., 245—246.⁷ Ibid., 247—248.⁸ Ibid., 224.⁹ Ibid., 229.¹⁰ Ibid., 217—220.¹¹ Ibid., 176—177.¹² Ibid., 24—26.¹³ Ibid., 23—24.¹⁴ Ibid.,

209; Rivers (d), 181,

¹⁵ Rivers (a), v. I, 190.¹⁶ Tattevin, 448—463.

не связаны с их тотемами. Из перечисления родов отдельных племен в работе Татвэна видно, что число их в каждом племени невелико: в племени Inir указано 4 рода, в Vepoas — 3, в других племенах — 7, 2 с мелкими частями других родов, 5, 2, 5, 4, 4, 4, 5, 4, 4, 4, 4, 3, 7.¹ Любопытно, что у некоторых племен, главным образом, западного побережья, помимо этих родов, есть еще деление на 2 фратрии, тоже экзогамных, но с материнской филиацией, так что оба деления пересекают друг друга.²

На маленьком островке Вао (у берега острова Малекула), площадью всего в 1.5 км² и с населением в 500 душ, Шпейзер нашел 5 родов,³ численность которых, следовательно, достигает в среднем 100 человек в каждом. Вся земля принадлежит этим родам,⁴ хотя отдельными участками этой родовой земли люди пользуются индивидуально.⁵ У каждого рода имеется свой общественный мужской дом и площадка для общественных плясок.⁶ Каждый род чтит своих духов-покровителей.⁷ Повидимому, допускается вступление и посторонних лиц в род с целью получить себе защиту и покровительство родовых духов.⁸

Господство родового землевладения отмечается Шпейзером и для островов Амбрим и Фате.⁹

Риверс описывает более подробно формы собственности на Амбрим. Частной земельной собственности здесь совершенно нет, и вся культурная земля принадлежит родовым делениям, *vantinbül*, тогда как земля запущенная возвращается в собственность всей деревни. Даже земля, расчищенная и обработанная чисто индивидуальным трудом одного человека, рассматривается как общая собственность рода, и любой его член пользуется без всякого спроса плодами с нее. Мало того, и односельчанин обработавшего землю, принадлежащий к другому роду, может взять плоды, но только с его разрешения, — в чем отказа никогда не бывает. Но и помимо земли, некоторые предметы составляют не частную, а общеродовую собственность, — как например, некоторые виды оружия: копья и палицы, тогда как любопытно, что луки, стрелы и пращи — оружие, недавно заимствованное с соседних островов, составляют частную собственность отдельных лиц.¹⁰ Точно установить характер этих *vantinbül* острова Амбрим трудно. Они отличаются от обычных родов тем, что в них господствует мужская филиация, хотя в некоторых ограниченных пределах учитывается и женская, дочери членов данного *vantinbül* причисляются к нему: так же как и их дети, но дальше филиация по женской линии обрывается.¹¹ Эти *vantinbül* скорее напоминают те билатеральные группы (тавити, синанги), о которых у нас была речь выше.

Относительно области Порт-Ольри (северовосточный берег острова Санто) Шпейзер указывает, что там работа по расчистке леса и огораживанию земли под насаждения производится целыми родами (*Sippen*) сообща, и протекает поэтому легко и весело.¹²

Родовые организации существуют и на других островах Новогвинеи, хотя на основании имеющихся сведений довольно трудно отграничить их от фратрий, носящих по существу почти тот же характер.

По исследованиям Шпейзера, родовые организации имеют очень большое социальное значение. „Настоящее зерно (*Kern*) социальной организации, — говорит он, — образует, без сомнения, род (*Sippe*), хотя он в настоящее время ослабляется выдвижением патриархата (т. е. отцовского порядка наследования С. Т.).“¹³ Впрочем, род, как целая единица, повидимому слишком велик и слишком разбросан по разным округам, чтобы быть единой связанной общественной группой. „Так как более крупные политические союзы отсутствуют, — гово-

¹ Ibid., passim.

² Ibid., 493; cp. Rivers (a), v. I, 190.

³ Speiser (b), 67, 73.

⁴ Speiser

(a), 332.

⁵ Speiser (b), 71.

⁶ Ibid., 73.

⁷ Ibid., 76.

⁸ Ibid., 76.

⁹ Speiser (a), 333.

¹⁰ Rivers (c), 105, 106.

¹¹ Ibid., 105.

¹² Speiser (b), 93—94.

¹³ Speiser (a), 335.

рит Шпейзер, — то тот круг, в котором существует фактическое сознание единства членов рода, ограничен, так что отдельные роды теперь (heute) раздроблены (gespalten sind) на множество локальных подразделений, на областные (Distrikts-) и деревенские группы, которые еще чувствуют себя связанными только по имени. Родовое чувство (Sippengefühl) охватывает поэтому узкую область деревни и ее окрестностей. Но за то там оно достаточно сильно, ибо с родом всегда идут вместе и союзы сукве, в которых протекает настоящая общественная и религиозная жизнь деревни.¹ В частности, культ предков — дело рода.² „Социальной единицей является род (Sippe), — говорит Шпейзер в другом месте, — и всякое имущество, не входящее в мелкую движимость, принадлежит роду. Он владеет мужскими домами, свиньями, трофеями (особыми ритуальными украшениями. С. Т.), ибо из рода вырастают и группы сукве“.³ „Земля принадлежит роду, — читаем у того же автора. Большое поле обрабатывается или сообща родом (von der Sippe gemeinsam), или родовая земля делится на парцеллы, предоставляемые каждая (отдельной) семье для самостоятельной обработки. Часто, далее, каждому взрослому предоставляется еще его особая часть в поле“.⁴ Указав затем, что кровная месть, заключение брака, устройство праздников, сооружение мужских домов — дело рода, Шпейзер заканчивает подчеркиванием очень крупного значения рода, как основы социальной организации, считая его „остатком некогда независимых и самостоятельных орд“.⁵

На южных Новогвинеиских островах родовых организаций, повидимому нет. Они неизвестны на Танна,⁶ Эрроманго,⁷ Футуна.⁸

На Новой Каледонии существуют экзогамные тотемические роды — моаро с отцовской филиацией.⁹ Каждый род имеет свой общественный родовой дом, в постройке которого обычно участвуют все члены рода или даже нескольких родов.¹⁰ Культурная земля поделена на полосы, принадлежащие отдельным родам.¹¹ Каждый род имеет свое имя, или тотемическое, или по предку-родоначальнику, или просто географическое.¹² Родовые связи имеют большое значение, но немалое значение имеют и связи по материнской линии, с родом матери. Вообще при господстве отцовско-родовой организации у новокаледонцев сохранились многочисленные следы материнства, в виде ритуальных прав материнской родни¹³ и целого ряда культовых и обрядовых явлений.¹⁴ В частности, здесь сохранился взгляд на отца, как на несвязанного органически с семьей, как бы внешнего по отношению к ней члена.¹⁵

Если попытаться теперь суммировать все приведенные известия, то это можно сделать лишь с некоторыми оговорками. В этих известиях содержится целый ряд совершенно явных пропусков, и если одни стороны родовой организации освещены в общем достаточно хорошо, то о некоторых других часто ничего не сообщается, повидимому, просто по невнимательности исследователя к данной стороне дела. Так, если об обычае кровной родовой мести мы имеем упоминание только для островов Сан-Кристовал, Шортландских и Новых Гебрид, о наличии родовых старшин — всего в 6 случаях и т. п., то это отнюдь не значит, что этими случаями и ограничивается распространение данного явления; скорее здесь имеют место, как сказано, пробелы в сообщениях исследователей.

Попытаемся, все же, перечислить характерные признаки родовой организации в Меланезии.

Меланезийский род является прежде всего экзогамной группой, носящей определенное (родовое) имя. О наличии такого родового имени, правда, в неко-

¹ Ibid., 435.² Ibid., 416.³ Ibid., 334.⁴ Ibid., 145, cp. 146.⁵ Ibid., 335.⁶ Humphreys, 14.⁷ Ibid., 129.⁸ Ibid., 114.⁹ Leenhardt, 70—73, 77—78.¹⁰ Ibid., 4.¹¹ Ibid., 18—20.¹² Ibid., 103—104.¹³ Ibid., 79—81, 84—85.¹⁴ Ibid., 9, 10, 22.¹⁵ Ibid., 61.

торых случаях неизвестно: не сообщают об этом наши источники по острову Добу, по полуострову Газели, по Рифовым островам и по Новым Гебридам, за исключением острова Пятидесятницы. Но скорее всего здесь мы имеем дело с недостаточной обстоятельностью сообщений. Кажется, только в одном случае, на маленьком острове Улава (Соломонова группа) все роды, за исключением рода вождей — Алаха, действительно утратили свои имена,¹ но они при этом и вообще едва ли сохранились как социальные единицы.

Экзогамия является правилом, повидимому, повсеместно. Только одно исключение можно назвать: это род Араха — род вождей на острове Сан-Кристовал, не подчиняющийся требованиям экзогамии (и во многих других отношениях отличный от всех остальных родов).² Нарушение экзогамии считается обычно тяжким преступлением и каралось прежде или смертью (Банксовы острова,³ Архипелаг Бисмарка⁴), или штрафом (Сан-Кристовал⁵) и во всяком случае и теперь рассматривается как постыдный акт.⁶ При этом дело касается не только заключения брака, но правило экзогамии должно соблюдаться, повидимому, и при внебрачных половых связях.⁷ Надо однако сказать, что чисто отрицательное требование экзогамии не является обычно единственным правилом при заключении брака. С одной стороны, помимо запрета внутриродового брака, по большей части существуют еще ограничения браков родственников, даже принадлежащих к разным родам. Так, брак с двоюродной сестрой запрещается на Мота⁸ и других Банксовых островах,⁹ на Рифовых островах,¹⁰ на Сан-Кристовале,¹¹ на Флориде,¹² Саво,¹³ западных Соломоновых островах¹⁴ и пр., как, едва ли не повсеместно, запрещается брак более близких родственников.¹⁵ С другой же стороны, самое правило родовой экзогамии часто имеет свою положительную сторону: как уже говорилось выше брачные правила иногда принимают форму обычая заключать браки в одном определенном роде, так что брачная связь поддерживается между двумя определенными родами из поколения в поколение. Такой обычай отмечен, например, для восточного берега Новой Ирландии и соседних островов Танга и Анери,¹⁶ для племени мекео на Новой Гвинее,¹⁷ для Новой Каледонии;¹⁸ но очень вероятно, что эта форма экзогамии распространена и более широко, чем это засвидетельствовано наблюдателями.

Родовое имя и принадлежность к роду передается по одной определенной линии (следовательно, род — унилатеральная группа), при этом, как правило, по женской. Отсутствие такого одностороннего счета происхождения отмечено только для одного случая; это упомянутый уже „род вождей“ Араха на Сан-Кристовале, принадлежность к которому определяется как по мужской, так по женской линии.¹⁹ Отцовская филиация родового имени является скорее исключением из общего правила, если не говорить пока о Новой Гвинее, где она преобладает. Оставив пока последнюю в стороне, мы находим среди собственно меланезийских племен отцовскую филиацию только в следующих местах: на островах Санта-Крус, где, впрочем, это не является бесспорным (см. выше), на острове Пятидесятницы (где, однако, имеются и фратрии с материнской филиацией), один род на Сан-Кристовале (род Mwara, чужеземного происхождения) и на острове Новой Каледонии, где однако очень сильные следы материнской филиации.

Вопроса о причинах и условиях генезиса материнской филиации мы уже касались выше. Если выделять именно эту сторону родовой организации и пытаться ее объяснить, то объяснение будет заключаться, повидимому, в ука-

¹ Fox, 345. ² Ibid., 16, 298. ³ Rivers (a), v. I, 50. ⁴ Pfeil, 27; G. Brown, 28; Burger, 25. ⁵ Fox, 12. ⁶ Rivers (a), v. I, 50. ⁷ Malinowski (e), 421—424; Codrington, 23. ⁸ Codrington, 29. ⁹ Rivers (a), v. I, 47—48. ¹⁰ Ibid., 230; Parkinson, 267, 653. ¹¹ Fox, 28—29. ¹² Rivers (a), v. I, 256. ¹³ Ibid., 257. ¹⁴ Ibid. ¹⁵ Ibid., 182, 185 и др. ¹⁶ Leenhardt, 70—73. ¹⁷ Fox, 14. ¹⁸ C. Seligman, 349—351, 363—364. ¹⁹ Ibid.

зании, с одной стороны, на рост межобщинных отношений, укрепляющих связи, не основанные на территориальной близости, а с другой, — в указании на хозяйственную роль женщины в мотыжном земледелии. Но, по существу, объяснению подлежит не этот только признак материнско-родовой организации, а вся эта организация в целом. Это будет нами сделано в дальнейшем.

Но главная трудность в данном случае состоит в том, чтобы объяснить, при каких условиях развивается, вместо материнской филиации, отцовская. В некоторых случаях, как на Новой Каледонии, мы имеем здесь дело с разложившимся материнским родом и с заменой его отцовским, об этом мы будем говорить ниже. Но для племен Новой Гвинеи такое предположение едва ли допустимо. Племена, подобные мекео, роро, коита и др., вряд ли знали когда-либо материнско-родовую систему. Повидимому, у них отцовский род развился непосредственно из тех родовых форм, о которых мы говорили в предыдущей части этой работы. Поскольку еще существовала та мужская филиация фратрий, которую мы видели, например, у папуасов р. Мамберамо, она легко могла дать начало и мужской филиации внутри зарождающихся родов. Здесь нам неясно только, почему в данном случае не действовали условия, создававшие в других местах материнско-родовую организацию.

Господство материнской родовой филиации естественно создает при патрилокальной форме брака (о чем ниже), несовпадение границ рода с территориальными группировками. Каждый род расселен, как правило, по более или менее широкой территории; в некоторых случаях его рамки расширяются даже за пределы отдельных островов (Моно-Алу-Буин, Танга-Анери-Сиара, и др.). Поэтому родовые связи часто оказываются существующими между лицами, друг другу в остальном совершенно чужими, между жителями разных географических областей. Однако, это же обстоятельство — географическое расширение границ рода — вызывает и эффект, по существу, обратный: раскалывание рода на географически обособленные подгруппы, до известной степени совпадающие с отдельными поселениями. Внутри этих подгрупп, естественно, родовые связи поддерживаются гораздо более живые и постоянные и, по существу говоря, именно эти локальные подразделения родов являются настоящими социальными единицами, субъектами всех тех определений, которые относятся к „роду“, как общественной форме. Такое явление прямо засвидетельствовано для Тробриантовых островов, Сан-Кристовала, Новых Гебрид, но оно очень вероятно и для других мест.

Таким образом, для каждого члена рода тем коллективом, в котором протекает вся его жизнь, является лишь локальное подразделение рода, весь же остальной состав рода представляется сравнительно малозначущей, хотя в известных случаях и учитываемой, периферией.

Это обстоятельство имеет большое значение для понимания взаимоотношения низших и высших родовых делений, в частности, для понимания природы фратрий и им подобных крупных родовых соединений. Во многих случаях мы имеем, уже отмеченные отчасти выше, факты группировки мелких родовых единиц в более крупные. Так, на Тробриантовых островах 4 больших группы делятся на локальные родовые подгруппы; у сулка, на полуострове Газели, на Банксовых островах и некоторых Новых Гебридах таким же образом подразделяются пары фратрий; на острове Изабель (в северо-восточной его части) три большие экзогамные группы делятся на 27 более мелких, и это же имеет место на Торресовых островах (4 + 4 + 2 родовых группы). В некоторых же случаях границы между фратрией и родом, как определенными общественными формами, почти стираются, и мы имеем едва ощутимые переходы от одной формы к другой. Так, в средней части острова Сан-Кристовал, как уже говорилось выше, имеются 2 фратрии, Atawa и Amwea, в соседней же западной области имеется 10—12 родов обычного типа, и в числе их роды Atawa

и Amwea.¹ Далее, на Новой Ирландии в большинстве округов имеются 2 фратрии, с тотемами — птицами, которые называются Targo и Malam² или Tagragau и Malaba,³ а на восточном берегу острова, в округе Сиара, Паркинсон насчитывает 8 родовых делений, из которых одно имеет тотемом морского орла — Manlam, а другое — чайку — Tagau.⁴ В северной части острова Бугэнвиль (и на соседнем острове Бука) существуют две фратрии — курицы и птицы — фрегата, а в южной части того же острова Паркинсон перечисляет 7 родов, в том числе один имеет тотемом птицу — фрегата.⁵

По своему происхождению фратрии — гораздо более древние образования, чем роды. Но их внешняя форма очень близка к форме рода: это тоже экзогамная группа с односторонним счетом родства. Нет ничего удивительного поэтому в том, что, доживая до эпохи господства родового строя, фратрии легко уподобляются родам, легко переходят в них, путем ли расщепления или путем обрастания другими подобными группировками. Реального живого значения фратрии по большей части не имеют: оно принадлежит, как уже сказано, их более мелким подразделениям. Но, сходная с ними по структуре и не будучи резко отграничена какими-либо особыми признаками, фратрия до известной степени разделяет основные функции рода.

Какие же связи существуют внутри рода и в чем они конкретно выражаются?

Род, или даже его более сплоченное локальное подразделение, повидимому, почти нигде не выступает как единое хозяйственное целое, как форма организации земледельческого или какого-либо иного производства. В сущности, подобный факт отмечен, кажется, только в одном случае — в сообщении Шпейзера о районе Порта Ольри, но и это сообщение недостаточно обстоятельно, чтобы с уверенностью на него полагаться.⁶ Очень возможно, конечно, что случаи, когда те или иные хозяйственные работы, например расчистка залежной земли, производятся соединенными силами сородичей, более часты, чем это видно из наших источников, однако почти полное отсутствие подобных свидетельств говорит за то, что эти формы организации производства занимают во всяком случае очень подчиненное, чтобы не сказать больше, место (ниже мы будем говорить более подробно о господствующих формах производства, как такового). Род не является, таким образом, производственной единицей в собственном смысле.

Но это не значит, что он лишен значения экономически связанной группы. Род является формой производственных отношений в ином более широком смысле. В очень многих случаях мы знаем о существовании родового землевладения, как господствующей или даже исключительной формы земельной собственности. Об этом известно для следующих мест: Тробриановы острова, область Кивай, побережье полуострова Газели, острова Шортландские, Флорида, Сан-Кристовал и Санта-Анна, Вао, Фате, Амбрим и др., Новогеебридские острова, Новая Каледония. Родовое землевладение вероятно и в некоторых других местах, где оно однако прямо не засвидетельствовано. Но это родовое землевладение едва ли где-нибудь составляет единственную и исключительную форму земельных отношений. Как мы увидим дальше, оно комбинируется различными способами с общинно-деревенской собственностью, с одной стороны, и с индивидуальным заимочным землепользованием, с другой.

Кроме земли, род владеет иногда другим сравнительно крупным имуществом, например большими лодками (остров Пятидесятницы и вообще Новые Гебриды, Шортландские острова).

Наконец, в еще более широком смысле экономически сплоченный характер рода проявляется в обычае наследования имущества в роде, т. е. по жен-

¹ Fox, 15—17, 37—38.

² Pösch (b), 9.

³ Abel, 220 note.

⁴ Parkinson, 652.

⁵ Ibid., 660—661.

⁶ См. также примечание 13, к главе 3.

ской линии. Я имею в виду не те сами собою разумеющиеся факты, когда обще-родовая собственность сохраняется из поколения в поколение в роде, а те случаи, когда имущество, уже ставшее индивидуальным, при наследовании не выходит из рода. Это относится к мелкому движимому имуществу и к земельной собственности в тех случаях, когда она уже приняла индивидуальную форму. Это мы видим, например, на Банксовых островах, где каждый земельный участок имеет своего владельца, но все эти участки, как правило, наследуются не детьми, а племянниками владельца по женской линии, кроме только вновь окультуренной земли, которая делится между детьми обработавшего ее хозяина.¹ Движимое имущество, в настоящее время завещаемое обычно детям, прежде наследовалось, повидимому, племянниками по сестре.² На островах Санта-Крус человек обычно наследует от своего материнского дяди его землю, свиней, деньги и прочее, но иногда наследует и сын от отца.³ По сообщению Пфейля, на Архипелаге Бисмарка земля никогда не выходит из родового владения, поэтому она переходит к братьям или материнскому дяде умершего или умершей, но не к детям и не к мужу.⁴

Я отметил эти различные формы и степени экономической связи в роде в чисто описательном и статическом плане, почти не останавливаясь на вопросе о взаимоотношениях родовых форм с семейными и с общинно-деревенскими, и не касаясь динамики изменения всех этих отношений. Эти вопросы мы постараемся разобрать в дальнейшем.

Род проявляет себя, как солидарную группу, также в обычае материальной взаимопомощи его членов. В тех или иных формах об этом явлении известно для островов Адмиралтейства, области Кивай, Новой Ирландии, Сан-Кристовала, но очень вероятно, что такие факты имеются и в большинстве других мест.

По отношению к сородичам — уроженцам чужих местностей чувство родового единства проявляется в обычае гостеприимства: племена Кивай, острова Адмиралтейства, северо-западной Новой Ирландии, Сан-Кристовал, Флорида и, повидимому, многие другие. Еще более разительное проявление этого родового сознания состоит в обычае ненападения на сородичей во время военных действий, в своего рода праве неприкосновенности лиц, принадлежащих к одному роду, но к разным враждующим деревням. Об этом непосредственно сообщается для тех же Адмиралтейских островов, Кивай, Новой Ирландии Шортландских островов, Флориды.

На этот последний факт следует обратить особое внимание, как на момент, показывающий появление противоречий между родовой организацией, с одной стороны, и территориально-деревенской с другой. Родовые связи вступают местами в борьбу с территориальными, — факт, к которому мы еще вернемся.

Обычай кровной мести за обиду, нанесенную сородичу, по всей вероятности, тоже распространен шире тех мест, где он прямо засвидетельствован: последнее относится к племенам Кивай, Шортландским островам, Сан-Кристовалу и, в общей форме, к Новым Гебридам.

Очень существенным элементом родовой организации, придающим ей характер сплоченной общественной группы, является наличие особых родовых старшин. О последних известно, к сожалению, слишком мало и, в частности, неизвестно ровно ничего о существовании главарей всего рода в целом, т. е. всех его частей, рассеянных по разным местностям. Можно усомниться в существовании таких в полном смысле слова родовых главарей. За то известно во многих случаях о старшинах локальных подразделений родов. Это отмечено для следующих мест: острова Тробриановы, Маршал-Беннета, юг Новой Ирландии, полуостров Газели, Шортландские острова, Флорида; но опять-

¹ Codrington, 63—64.² Ibid., 66; Rivers (a), v. I, 59—60.³ Codrington, 63.⁴ Pfeil, 27, 70.

таким этот институт, надо думать, существует и во многих других местах. О специфических функциях этих родовых старшин мы в сущности ничего не знаем (кроме как о старшинах на полуострове Газели, где они распоряжаются родовой землей), но в большинстве известных случаев мы знаем, что эти старшины субординированы вождю деревни, где живут данные родовые группы, а старшина преобладающего рода как раз и является вождем всей деревни.

Единство рода естественно отражается и в идеологических формах, сплачивающих членов рода. Главной формой идеологической связи является тотемизм, существующий почти что повсеместно. Тотемические черты родов засвидетельствованы для следующих мест: побережье Британской Новой Гвинеи, острова Тробриановы, Маршал Беннета, Добу, Адмиралтейства, Новая Ирландия, Буин-Моно-Алу, Шортландские, Флорида, Сан-Кристовал, Санта Анна, Гуадалканар, Изабель, Саво, Ваниколо, Санта-Крус, Пятидесятницы, Новая Каледония. Другой идеологической (религиозной) формой родовой связи, но, повидимому, гораздо более редкой, является культ предков. Для Меланезии родовой культ предков констатирован в очень немногих случаях: можно назвать остров Вао и общее упоминание Шпейзера о культе предков на Новых Гебридах. Очень возможно, что идея духа-предка не чужда многим меланезийским верованиям, но она, повидимому, в большинстве случаев так переплелась с идеями тотемического порядка, может быть, с идеологическим инвентарем мужских союзов и т. п., что сама по себе не привлекала внимания наблюдателей.

Наконец, своеобразной формой идеологической, хотя и материализованной родовой связи можно считать наличие ритуальных мужских домов в обладании отдельных родов. Об этом известно для Шортландских островов, острова Вао и других Новых Гебрид и для Новой Каледонии.

Все перечисленные явления можно считать в достаточной мере характерными для родовой организации Меланезии и в то же время для материнско-родовой организации вообще. Имея в виду, что, как уже говорилось, большинство рассмотренных нами признаков имеет более широкое распространение, чем об этом говорят наши очень отрывочные данные источников, мы имеем право обобщить полученные сейчас выводы и попытаться дать формальное определение меланезийского рода. Типичный меланезийский род представляет собой группу лиц, носящих одно родовое имя, считающих себя связанными родством, передаваемым по материнской линии, причем эта связь выражается в наличии родовой собственности, в наследовании имущества в роде и иногда в родовых формах хозяйственной деятельности; далее, в наличии родовых старшин, в правиле экзогамии, в обычае взаимопомощи, гостеприимства, мести за обиду, нанесенную сородичу, и в культовой связи в виде тотемических верований или культа родовых духов-предков.

При этом необходимо подчеркнуть, что если в идее подобная связь охватывает, возможно, весь род целиком, то в реальной жизни круг родовых связей ограничивается, и эти связи являются наиболее интенсивными в пределах локальных подразделений рода, входящих в ту или иную территориальную общину.

Разумеется, давая такое формальное определение рода, мы ни на минуту не должны забывать о его чисто условном значении, поскольку оно совершенно не покрывает ни взаимоотношений рода с иными формами общественных связей, ни диалектического развития и разложения самой родовой организации. Каждый из названных признаков рода, с одной стороны, интерферирует с теми или иными сторонами семейной, деревенской и т. п. организаций, а с другой, — оформляется в процессе развития рода из тех или иных элементов дородовой организации и в процессе дальнейшей эволюции имеет тенденцию разлагаться или перерастать в высшие формы. Попытаемся теперь проследить диалектику этих процессов в их живом течении, отложив на время рассмотрение некоторых, незатронутых пока, сторон самой родовой организации.

2. Сельская община

Ближайшим образом следует обратить внимание на взаимоотношение родовой организации с территориальной, т. е. с деревенской (сельской) общиной. С оформлением самостоятельной родовой организации значение территориальной общины, как социальной единицы, отнюдь не исчезает. На Тробриантовых островах, как мы видели, значение деревенской общины очень велико, но эту общину довольно трудно, на основании имеющихся данных, отграничить от рода, локальной частью которого она, повидимому, является. Нечто подобное мы замечаем и на Новых Гебридах, где сельскую общину трудно отделить от местного подразделения рода. Но здесь уже видно, что значение хозяйственного коллектива принадлежит скорее родовой, чем территориальной единице. О роли первой уже говорилось выше, что же касается сельской общины, то Шпейзер замечает о ней: „Деревни не образуют общины (Genossenschaft), ни экономической единицы, не имеют земельной собственности и являются только совокупностью (Ansammlung) самостоятельных семей, соединенной (erzeugte) культом и социальной связью (Band)“.¹ Дальше Шпейзер поясняет, что эта связь между жителями деревни обусловлена потребностью в самозащите, обменом, общими праздниками, культом и пр.,² и, таким образом, его слова, что деревня не образует общины, нельзя понимать буквально. Но во всяком случае родовые связи здесь играют, повидимому, не меньшую, а скорее большую роль, чем связи территориальные, поскольку вообще возможно в данном случае те и другие разграничить. Это относится, по крайней мере, к некоторым из Новоггебридских островов.

К сожалению, чрезвычайно мало известно нам об экономической природе сельской общины в остальных частях Меланезии. Мы еще знаем кое-что о внешнем виде деревни в тех или иных местностях. Известно, что местами меланезийские поселения представляют собой, как в приведенном примере Новых Гебрид, слабо связанную между собой, разбросанную между зарослей совокупность небольших групп хижин. Такой характер имеют поселения на острове Шуазель,³ в области Буин,⁴ местами на архипелаге Бисмарка.⁵ В других местах поселения принимают форму компактно расположенных деревень, иногда обнесенных вокруг палисадом и т. п. Так, в западной части Новой Британии формой поселений является, благодаря частым войнам, деревня, укрепленная палисадом, иногда двойным.⁶ На югозападном побережье Новой Ирландии деревни состоят из некоторого числа, не более 30, хижин, расположенных очень тесно одна подле другой. Почти все деревни расположены у моря, они не огорожены и не укреплены.⁷ На островах Моно, Алу, Ниссан и на побережье острова Бука туземцы селятся компактными деревнями, состоящими из 1 или 2 рядов домов, расположенных улицей.⁸

Но что касается внутренней организации этих деревенских общин, а прежде всего — их роли, как хозяйственных единиц, т. е. как формы производственных отношений, то об этом нам известно крайне мало. Только в отдельных случаях нам сообщают, что деревня выступает как коллективный собственник земли. Так, по Риббе, вся земля на Шортландских островах принадлежит или деревням или родам (Sippen).⁹ В области Буин „земля — собственность округа (des Gaues)“, как передает Турнвальд.¹⁰ Согласно несколько неопределенным и плохо датированным географическим сообщениям Имхауса, на Новых Гебридах (к каким именно островам это относится, трудно сказать) деревенская община выступает как аграрно-коммунистическая организация, в смысле даже

¹ Speiser (a), 106. ² Ibid., 106—107. ³ Thurnwald (c), 422. ⁴ Где „поселения, — по словам Турнвальда, — не замкнутые деревни, а состоят из отдельных дворов (Gehöften), построенных на соседних расщелинах (Rodungen)“ (Thurnwald (a), 113). ⁵ Pfeil, 34—36; G. Brown, 23. ⁶ Parkinson, 207. ⁷ Stephan u. Gräbner, 102—103. ⁸ Thurnwald (a), 113. ⁹ Ribbe, 116. ¹⁰ Thurnwald (d), B. III, 34.

формы самого производства. „Обработка земли производится сообща; вождь (деревенский) решает в один прекрасный день, после долгого обсуждения со „стариками“ деревни, что надо итти сажать ямс. Выбирают землю, и все племя (т. е., повидимому, деревня. С. Т.), в том числе женщины и дети, приходит в движение. Землю очищают от леса, готовят и засаживают; это требует мало труда и мало времени“.¹ „Сбор жатвы, необходимой для жизни, производится сообща, и все делится между всеми, равными частями...“² На острове Амбрим вся обработанная земля принадлежит деревне в целом, но отдельные участки ее распределены между родовыми группами — *vantinbül*.³

Но по большей части лишь из косвенных данных можно заключить, что существуют определенные связи, и немаловажные, внутри каждой деревни. Об этом говорит, например, тот факт, что в отношениях к внешнему миру каждая деревня выступает обычно, как единое и самостоятельное целое. Очень частые враждебные отношения обычно имеют место именно между определенными деревнями.⁴ Так как эти войны имеют причиной по большей части тот или иной спор из-за женщин, подозрения в колдовстве и т. п., то тут ясно видно, как сельская община в качестве солидарного коллектива поддерживает и защищает отдельных своих членов. Далее, тот факт, что у каждой деревни есть обычно свой вождь, сфера власти которого ограничивается, как правило, данной деревней, тоже говорит о социальной значимости сельской общины.

Таким образом, хотя мы и мало знаем об экономической природе сельской общины, мы все же можем сказать, что такая социальная единица в Меланезии существует, и существует наряду с родовой общиной. Можно еще раз напомнить, что эти два типа общины не совпадают и не сливаются между собой, хотя и переплетаются порой до невозможности их различить. Мы знаем, что во-первых, род, как целое, шире сельской общины, так как он распространен обычно на довольно большой территории, и локальные общины являются его подразделениями. А, во-вторых, внутри одной деревни мы часто находим несколько родовых единиц, и последние являются, таким образом, подразделениями территориальной единицы. По своему социально-экономическому значению родовая и сельская общины соперничают между собой, и возможно, что местами перевешивает одна, местами другая.⁵ Это соперничество доходит до антагонизма, когда возникают военные столкновения между отдельными сельскими общинами, и когда члены враждующих общин, связанные родовыми отношениями, уклоняются от столкновений друг с другом. В этом случае родовые связи преодолевают территориальное разделение и оказываются, следовательно, более крепкими.

Как бы то ни было, мы имеем здесь в полном развитии то раздвоение форм производственных отношений, о котором мы отчасти говорили, разбирая вопрос о разложении первобытно-коммунистической общины. Если последняя, как общественная единица, обнимала собой в основном все проявления социально-экономической жизни группы, будучи основной и в сущности единой формой производственных отношений, где территориальные связи были в то же время и родственными связями, то на той более высокой ступени общественного развития, какую мы исследуем сейчас, эта исходная общественная единица раздвоилась, отделив родовую организацию от территориальной, хотя обе последние, конечно, различными сложными способами переплетаются друг с другом. Раздвоилась и общественная и хозяйственная жизнь человека, кон-

¹ Smhaus, 59. ² Ibid., 85. ³ Rivers (d), 176. ⁴ Новые Гебриды (Hagen et Pineau, 335—336), остров Амбрим (Speiser (b), 218), Санто (Lamb, 78—79), Новая Британия (G. Brown, 152, 271, 320) и мн. др. Ср. C. Wedgwood, op. cit., passim. ⁵ Тенденция роста рода за счет единства территориальной общины проявляется местами в развитии жилища. На р. Флай, по словам Бивера, „есть заметная тенденция упразднить единый Длинный Дом (общедеревенское коммунальное жилище) и на месте его построить 6—7 меньших, каждый для одного тотемического плана“. Причиной являются распри между отдельными родами деревни (Beaver, 141).

центрирующаяся теперь не вокруг одного общественного центра, а вокруг двух почти равноправных фокусов — деревни и рода.

Надо подчеркнуть при этом, что это раздвоение социально-экономическая жизнь испытала, сохраняя (или, вернее, поскольку она сохранила) свой первобытно-коммунистический характер. Раздвоение форм производственных отношений, о котором мы говорим, происходит еще внутри первобытно-коммунистических форм, которые, оставаясь еще сами собой, начинают принимать внутренне-противоречивый характер. Процесс разложения первобытного коммунизма, таким образом, идет изнутри, и не только в смысле вызревания в нем инородных по существу общественных форм, о чем речь будет отдельно, но и в смысле возникновения диалектического противоречия внутри самих первобытно-коммунистических отношений.

Таким образом, характеризуя с этой стороны сущность родовой организации, мы можем назвать ее продуктом раздвоения первобытно-коммунистических производственных отношений, продуктом отрыва родственных связей от территориальных, приобретения первыми самостоятельного характера. Это есть процесс — и результат — диалектического самоотрицания первобытно-коммунистической организации.¹

Причин, вызвавших этот процесс, мы коснемся ниже.

3. Малая семья. Зарождение трудовой частной собственности. Обмен

Но если мы считаем изложенное процессом распада первобытно-коммунистической общины, то во всяком случае это не единственная, и даже не основная форма этого процесса. Основным и решающим моментом надо признать другое: зарождение в недрах первобытно-коммунистической группы общественной формы по существу нового типа, формы инородной и резко антагонистичной по отношению к первобытно-коммунистическому строю: индивидуальной семьи.

Начальные стадии процесса становления семьи мы наблюдали уже у более примитивных племен Меланезии. На той ступени, которую мы изучаем сейчас, и на которой мы нашли оформившийся род, — сложившуюся, развитую форму приобретает и малая семья.

Правда, есть ряд свидетельств в пользу того, что даже у тех сравнительно развитых племен, о которых мы сейчас говорим, у племен чисто меланезийских, семья не везде достаточно прочно обособилась в самостоятельную хозяйственную ячейку. Так, относительно туземцев острова Добу миссионер Бромиллов говорит, что в их языке он не нашел слова, обозначающего „семью“ в нашем смысле, так как слово „susu“, наиболее близко подходящее к этому значению, в сущности означает „племя“ и не включает отца, а только материнскую родню; поэтому для перевода библии ему пришлось ввести из английского языка слово, принявшее в данном наречии форму „ramili“.²

Относительно Новых Гебрид Шпейзер в общей форме говорит, что „естественная (sic!) семья не имеет собственности, и это соответствует тому небольшому социальному значению, которое имела семья. Социальной единицей является род (Sippe)...“ и т. д.³

¹ Интересно здесь вспомнить ту краткую, но глубокую характеристику, которую давал Маркс сельской общине. Он характеризовал ее как продукт отрыва территориальных связей от родственных, в результате чего создавалась „первая социальная группировка свободных людей, не связанных кровными узами“ (Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284). Нетрудно видеть, что Маркс отметил здесь другую сторону того же процесса, который, как мы убедились, привел к появлению материнско-родовой организации. В том и другом случае имеет место разложение целостной первобытной коммуны, где родственные связи совпадают с территориальными. Из этого разложения вырастает, с одной стороны, сельская община, лишенная родственных связей, с другой — родовая, не замкнутая территориально.

² Bromilow, 300.

³ Speiser (a), 334.

В такой общей и категорической форме это утверждение едва ли верно, и оно не вытекает из фактов, сообщаемых в этой же связи самим Шпейзером.¹ Но последний, повидимому, прав, если хочет сказать, что в соперничестве семьи и рода, как социальных форм, перевешивает в ряде случаев род.

Это обнаруживается и в других фактах. Самым резким из них является факт постоянного нарушения и разрыва экономического единства семьи благодаря материнско-родовым нормам наследования имущества. В целом ряде мест господствует обычай, по которому ни муж не наследует имущества жены, ни жена — имущества мужа. О противоречиях родового и семейного порядка наследования будет, впрочем, речь ниже.

Поскольку это так, не надо, следовательно, переоценивать той степени, до какой дошел процесс обособления индивидуальной семьи на изучаемой нами стадии общественного развития. Но этот процесс все же зашел, по крайней мере, местами, достаточно далеко.²

У племени моту в Британской Новой Гвинее почти вся земля поделена между отдельными семьями, так что свободную землю найти трудно.³ То же имеет место у племен сариби и паниетти.⁴ Около Порты Моресби обработанная земля составляет наследственную собственность окультурившей ее семьи,⁵ точно так же как на северо-западе Британской Новой Гвинее.⁶

Но такое полное освоение определенных участков земли семьями и их наследственная передача — на этой стадии развития скорее исключение, чем правило. Как правило, земля, как таковая, т. е. земельный фонд, остается собственностью деревенской или родовой общины, и даже обработанный участок по большей части наследуется в роде, т. е. по женской линии. Настоящей частной земельной собственности на данной ступени еще не возникает. Но здесь создаются и укрепляются формы, постепенно подготовляющие полное освоение земли в частную собственность: это — индивидуально-семейное сельскохозяйственное производство, ведущее к установлению трудовой частной собственности — собственности на продукты сельскохозяйственного труда. Одним из таких продуктов является обработанная земля, земля окультуренная и еще не заброшенная, то, что на ней посажено и, в частности, плодовые деревья. Это-то и есть та сфера, где прежде всего разворачивается и укрепляется частное семейное хозяйство, где семья оформляется и утверждает себя, как особая социальная единица. А дальше к этому присоединяются разнообразные объекты хозяйственной деятельности, не связанные с землей, всевозможные виды ценностей, предметы обмена и накопления.

К сожалению, благодаря отсутствию у большинства исследователей интереса к общественно-экономическим отношениям, мы очень мало знаем о формах организации сельскохозяйственного производства. Выше приводились указания на коммунистический характер производства сельскохозяйственных работ в целом ряде случаев. Но в других случаях несомненным является преобладание индивидуально-семейного труда в земледелии, хотя в силу указанной причины нельзя составить себе точного представления о том, в каких именно местах господствует та или другая из указанных форм. В большинстве случаев приходится пользоваться догадками и косвенными заключениями.

Кодрингтон приводит, как пример, остров Сан-Кристовал, где внутри общей ограды, окружающей общественное поле, засаженная земля, очень тщательно обработанная, поделена на индивидуальные полосы (plots), отчетливо разграниченные друг от друга;⁷ повидимому, эти полосы обработаны трудом отдельных семей.

¹ Ibid., 333—334. ² Говоря о процессе обособления семьи, мы, конечно, и здесь должны иметь в виду прежде всего ее роль, как хозяйственной единицы. ³ Krieger, 326. ⁴ Ibid. ⁵ Ibid. ⁶ Ibid., 327. ⁷ Codrington, 303.

Относительно Тробрианских островов мы уже знаем, что там семья обычно работает на своем определенном участке земли, хотя ее права на этот участок довольно сложным образом переплетаются с правами родовой и деревенской общины, местного вождя и т. д. Во всяком случае, самое выполнение земледельческих работ, по существу, дело отдельной семьи, причем однако в распределении продукта, как мы помним, семейная организация отступает на второе место перед матрилинейно-родственными отношениями.

У племен группы киваи Британской Новой Гвинеи земля является родовой собственностью, но каждый человек засаживает для себя отдельные участки и работает на них вместе с женой.¹ У племен побережья залива Папуа земледельческие работы тоже дело отдельных семей, но часть продукта достается родне (kin).²

Отдельными семьями, повидимому, производятся земледельческие работы на острове Бугэнвиль.³

Даже на острове Амбрим, где мы видели безусловное господство общинного землевладения, земледельческие работы производятся индивидуально частными лицами, хотя на продукт этого индивидуального труда опять-таки имеют право все члены родовой общины.⁴

При всем недостатке сведений в наших руках, и при всей кажущейся сложности и запутанности форм земельных отношений у меланезийцев, сложности, при которой эти отношения совершенно невозможно выразить в терминах буржуазного права (что, впрочем, и не требуется), основные принципы форм землевладения и землепользования все же вырисовываются с достаточной ясностью.

Как общее правило, вся земля, как таковая, принадлежит целым общинам или даже группам общин, поскольку в девственном лесу нет никаких определенных границ между территориями, принадлежащими отдельным деревням.⁵ Обработанная земля, с другой стороны, находится в пользовании того лица или группы, чьими трудами она обработана. До тех пор, пока земля находится под культурой, она остается в пользовании данной семьи или рода (в каких случаях имеет место первое или второе, не всегда можно определить). Но земля, заброшенная обработкой, вновь поступает в общинный фонд, и на нее имеет право всякий, кто пожелает приложить к ней труд.⁶ Отсюда ясно, в какой мере и в каком смысле можно говорить об общинном или индивидуальном (семейном) землевладении и землепользовании. Земля, как потенциальный объект приложения труда, т. е. как средство производства, составляет на данной стадии развития безусловно общинную собственность. Но земля, в которую вложен уже человеческий труд, земля обработанная, т. е. земля, ставшая в известном смысле продуктом труда, составляет частную собственность, постольку, поскольку господствует семейная организация труда. Мы уже видели, что это последнее имеет место отнюдь не всегда и не везде, и что здесь в разнообразных формах комбинируются коллективные формы труда с индивидуальными. Что касается самого индивидуального освоения обработанной земли, то и оно подлежит определенным ограничениям, поскольку формы наследования такой земли подчиняются по большей части еще родовым, а не семейным нормам.

Во всяком случае, с полной ясностью видно, с какого именно конца начинается процесс разложения первобытно-коммунистических форм на почве земельных отношений: он начинается с постепенного роста значения индиви-

¹ Landtman, 64, 172, 196—197, 203. ² Holmes, 229, 251—252. ³ Thurnwald (d), B. III, 29—30, 41. ⁴ Rivers (d), 176—177. „Расчистка леса, — говорит Шпейзер в общей форме о Новых Гебридах, — редко производится отдельной семьей, а всегда с помощью друзей или сообща целым родом. Помощникам тогда нужно отплатить устройством пиршества (Festessen); в последнее время и деньгами“ (Speiser (a), 146). Но из последних слов видно, что дело идет здесь не о роде, как хозяйственной единице, а о „помочах“, которые семья получает от сородичей при определенных работах. ⁵ Codrington, 60. ⁶ Pfeil, 69.

дуального труда в форме семейной его организации. За этим процессом идет связанный с ним, но отчасти отстающий, процесс освоения обработанной земли, как продукта труда, и вообще всех продуктов земледельческого производства в индивидуально-семейную собственность. Следующий шаг — закрепление наследственной семейной собственности на обработанную землю — связан в сущности с процессом распада родовой организации, и, поскольку он знаменует переход к более высокой ступени общественного развития, мы его до сих пор почти не касались. Наконец, заключительный этап этого развития — установление частной собственности на всю землю — есть процесс, происходящий уже в феодальном обществе, и мы его оставляем здесь совершенно в стороне.

Итак, начало процесса развития частной земельной собственности тесно связано с распространением индивидуальных форм производства в земледелии. Первая форма частного землепользования, а затем и землевладения — это трудовая частная собственность. Это положение, между прочим, делает понятной одну очень любопытную и характерную именно для Меланезии форму имущественных отношений. Я имею в виду несовпадение в ряде случаев права собственности на землю с правом собственности на растущие на ней плодовые деревья. Очень часто человек владеет и пользуется деревьями, растущими, точнее, посаженными им на чужой земле. Права этого рода пользуются всеобщим признанием и представляют собою вполне нормальный порядок в очень многих местах Меланезии. Риверс приводит целый ряд сообщений о подобных фактах,¹ причем его собственное весьма искусственное объяснение их² делается ввиду только что изложенного совершенно излишним.³ Нередки также такие факты, что человек сажает плодовые деревья на своей родовой земле и, в то время как последняя остается после его смерти в роде, переходя к его племянникам и т. п., посаженные им деревья наследуются его сыновьями, т. е. составляют наследственную семейную собственность.⁴ На островах Шортланд, в то время как вся земля принадлежит общине, каждый имеет права на обработанный им участок земли до тех пор, пока он его держит под культурой, и плодовые деревья — саговые и кокосовые пальмы — составляют частную собственность.⁵

Распространение и усиление роли индивидуального земледельческого производства является, таким образом, одним из основных условий укрепления индивидуальной семьи. Я оставляю здесь в стороне вопрос о том, что лежало в основе роста индивидуального земледельческого производства. Это вопрос чрезвычайно важный и требующий особого исследования. Не подлежит сомнению, что здесь мы имеем дело с общим процессом роста производительных сил. Но каковы конкретные условия и формы этого роста, — это необходимо изучить особо на фактическом материале, который, кстати сказать, по этому вопросу весьма недостаточен.

Другим решающим фактором разложения первобытной коммуны и выделения индивидуальной семьи послужило развитие обмена.

Уже на примере Тробриановых островов мы видели материальную основу развития обмена в виде дифференцированности почвенно-географических условий отдельных местностей. Но мы видели и то, как этот обмен, зародившийся из необходимых материальных предпосылок, развился в чрезвычайно сложную и разнообразную систему внутриплеменных и межплеменных отношений, с особым разработанным ритуалом, и как он вызвал к жизни такое распределение ценностей, которое сказалось в очень сильном имущественном расслоении внутри отдельных общин. Эта картина повторяется в той или иной форме почти по всей Меланезии.

¹ Rivers (d), 184—187.

² Ibid., 187—188.

³ Ср. также Codrington, 62, 65, 68; Beaver,

275—276; Landtman, 203.

⁴ Codrington, 68.

⁵ Ribbe, 116.

Я приведу только несколько из многочисленных сообщений целого ряда авторов, с целью показать, с одной стороны, степень развитости обмена, глубину его проникновения в хозяйственную жизнь общин, а с другой стороны, те последствия, которые отсюда возникают, в смысле, во-первых, роста межобщинных связей, а во-вторых, внутриобщинного экономического расслоения.

В архипелаге Массим, часть которого составляют Тробриановы острова, широко развит обмен как между отдельными провинциями крупных островов, так и между островами, владеющими по естественным условиям или по традиции определенными производствами. Так на острове Бойова существует, наряду с простейшей формой обмена продуктов земледелия внутренних областей на продукты рыболовства прибрежных жителей,¹ более сложные обменные отношения между отдельными областями: так, внутриостровные общины, специализировавшиеся на изготовлении определенных изделий, как деревянные блюда, гребни, сосуды для извести, браслеты и корзины, обменивают их на земледельческие продукты округа Киригина, на рыбу — на западном побережье, и на импортные предметы, поступающие через южные приморские деревни.² Одна из последних, например, Синакета — в свою очередь перепродает предметы, полученные из внутренних областей, на другие острова, в том числе на Добу, разумеется, с надбавкой цены.³ Таким образом, обмен внутриостровной имеет непосредственное продолжение в межостровных сношениях. В этих последних намечаются определенные центры, монополизирующие изготовление тех или иных предметов. Так, глиняные горшки поставляются на весь архипелаг туземцами островов Амфлетт, которые в обмен на них получают саго, свиней, кокосовые орехи и т. п.⁴ Деревня Kavataria на острове Бойова и остров Кау-леула имеют монополию выделки браслетов из больших белых раковин, имеющих большое значение в межостровном ритуальном обмене кула, и эта монополия имеет исключительно традиционное обоснование, так как самый материал есть налицо повсеместно.⁵ Другие острова и местности имеют свои другие специальности.

В Британской Новой Гвинее торговля совершается обычно в особых пунктах на границах территорий соседних племен. Здесь в обмен поступают разные съестные припасы, начиная от живых свиней, и до рыбы и плодов.⁶ Но главная торговля происходит по береговой линии. Главным предметом обмена служат здесь кокосовые орехи и саго.⁷ Это обстоятельство — развитие обмена съестными припасами — показывает, что обмен составляет здесь не случайную и поверхностную форму связи между отдельными областями, а глубоко проникающий в экономику туземного общества факт, без которого невозможно нормальное существование заинтересованных общин. Некоторые племена при этом ограничиваются в своих обменных сношениях исключительно съестными припасами, например, копченой рыбой.⁸ Но другие, особенно на юго-востоке, развили очень широкий и разнообразный обмен. И здесь создалась локальная специализация. Так, например, остров Teste является центром, откуда расходится гончарная посуда вплоть до бухты Оранжевой и дальше. Другие центры керамического производства — бухта Редскар, племя моту и др.⁹ Туземцы области Порты Моресби предпринимают ежегодно в сентябре — октябре целые большие торговые экспедиции в залив Папуа. На целой флотилии лодок они везут туда на продажу гончарную посуду в количестве до 20 000 штук горшков и кроме того другие изделия, как топоры, ножи, табак, ожерелья и пр. В обмен они получают, главным образом, саго в количестве до 150 т, но из этого количества они оставляют для себя только часть, едва покрывающую их потребность а остальные везут дальше на юг, в Худ-бей, Керепуну, Хула и пр.¹⁰

¹ Malinowski (b), 190, plate XXXVII. ² Ibid., 189.
286—287. ⁵ Ibid., 502—503. ⁶ Krieger, 339—340.

³ Ibid., 346.

¹⁰ Ibid., 343—344; C. Seligman, 96—120.

³ Ibid., 362—464.

⁷ Ibid., 340.

⁴ Ibid., 343.

⁸ Ibid., 343.

Таким образом, мы видим, что определенные общины берут на себя функции торговых посредников между другими областями. Это явление мы наблюдаем и в других местах. Так, жители округа Арома держат в своих руках торговлю на всем протяжении берега от Облачной бухты до бухты Кеакаро.¹ Очень часто такими монополистами-посредниками оказываются общины мелких островов, поверхность которых слишком мала, чтобы прокормить население, и эти общины вынуждены добывать пропитание путем торговли. Так, по всему побережью Германской Новой Гвинеи торговля находится почти всецело в руках жителей мелких островов — Гуап, Билибили, Тами, Каркар и др.² Однако прямых сношений с туземцами внутренних областей Новой Гвинеи эти островитяне не имеют, так как жители береговой полосы ревниво оберегают свои права посредников в этих сношениях. Исключение составляют островитяне Билибили, добившиеся признания за ними права непосредственной торговли с жителями внутренних горных областей.³

Такие же факты мы видим и в других местах. Например, в архипелаге Бисмарка существует определенная локальная специализация, дополняемая развитым обменом. Одним из главных центров торговли является, повидимому, полуостров Газели, где в установленные дни устраиваются базары съестных припасов, а также и других предметов.⁴ Так, здесь продаются длинные стрелы с острова Бука, палицы с каменным набалдашником из Байнинг,⁵ другие виды палиц — от сулка, из новой Ирландии⁶ и т. д. Можно было бы привести множество подобных фактов и для других островов Меланезии.

Подобное развитие торговли не могло не привести к тому, что известные виды товаров начали выделяться в специальной функции всеобщего эквивалента и орудия обращения, т. е. как денежный материал. Как указывает Маркс в своем анализе происхождения денег, „всеобщая эквивалентная форма“ товара при развитии обмена начинает срастаться с определенными видами товаров, тем самым превращаясь в денежную форму. „С каким именно видом товара она срастается, это сначала случайно“, но преимущество в этом отношении получают или главные импортные товары или главные предметы вывоза.⁷ Буквально это самое мы видим в Меланезии. Денежный материал в разных местах Меланезии довольно разнообразен, но это почти исключительно главные предметы торговли: или свиньи, или виды украшений — раковины, собачьи или свиные клыки и т. п.

Так, на Новых Гебридах деньгами являются места свиньи,⁸ местами циновки.⁹ На Банксовых островах деньгами служат перья,¹⁰ но главным образом нити из раковин, изготовляемые на острове Рова.¹¹ На островах Санта-Крус деньгами служат красные перья попугая и голубиные.¹² На восточных Соломоновых островах эту роль играют раковины, собачьи зубы и пр.¹³, на западных — крупные браслеты.¹⁴ В разных местах архипелага Бисмарка господствуют в качестве денег разные виды раковин, нанизанные на нити.¹⁵

Любопытно, что в целом ряде случаев мы можем проследить все этапы превращения простого товара в деньги и постепенное усовершенствование его в этом качестве, приобретение им новых и новых функций. Например, на северных Новых Гебридах можно наблюдать процесс превращения циновок в деньги.

На юге острова Молекула циновки изготовляются для обычного употребления и для собственной надобности. На острове Вао их делают специально для экспорта, отправляя их на остров Амбрим. На островах Пятидесятицы и Аоба эти циновки уже являются деньгами, — между прочим, в функции мерила

¹ Krieger, 340. ² Ibid., 224—225. ³ Ibid., 223. ⁴ Pfeil, 101—102, 109—111, 116—117; Burger, 22—23. ⁵ Pfeil, 101—102. ⁶ Parkinson, 131. ⁷ Маркс, Капитал, т. I, изд. 1930 г., стр. 45. ⁸ Speiser (a), 256, 275—276. ⁹ Ibid., 271—272. ¹⁰ Ibid., 273—274. ¹¹ Rivers (a), v. I, 166—168; Codrington, 327. ¹² Rivers (a), v. II, 386; Codrington, 324. ¹³ Rivers (a), v. II, 386. ¹⁴ Ibid. ¹⁵ Parkinson, 87—89, 219, 301 и др.

ценности. Наконец, на Маэво циновки приобрели характер исключительно денежного материала, потеряв свои качества потребительной ценности: их нарочно портят, чтобы не употреблять непосредственно, повышая тем самым их меновую ценность.¹

Далее можно заметить, как по мере расширения и развития обмена различные денежные единицы вступают в конкуренцию между собой, и как некоторые определенные виды денег вытесняют собой остальные, распространяясь в качестве „международной“ валюты на значительной территории. Так, один определенный вид монеты — нити с раковинами, называемые „диварра“, и происходящие с островов Герцога Йоркского, — теперь вытесняет туземные деньги на Новой Ирландии.²

Этому способствует пригодность определенных видов денег к функции мерила стоимости. Важным достоинством является здесь качественная однородность и делимость денежного материала. Этим достоинством обладают мелкие раковинки, нанизываемые на шнурки определенной длины, и измеряемые как отдельными штуками для мелких сумм, так и единицами длины — для более крупных.³

Измеряя различные стоимости, деньги получают, таким образом и функции масштаба цен. А это обстоятельство свидетельствует о важном факте, связанном с прочно установившимся обменом: о фиксации определенных цен на товары. И действительно, по крайней мере, в местах более развитого обмена, мы узнаем о существовании вполне определенных преysкурантов туземных товаров — в туземных же монетных единицах.⁴

На европейские деньги нить раковин длиной в 1.5 м в архипелаге Бисмарка расценивается (это относится к последним годам XIX в.) в 2 марки.⁵

Наконец, самым для нас важным моментом является функция денег, как объекта накопления. Именно этой своей стороной развитие обмена и денежного обращения действует непосредственно на общественную структуру, вызывая и углубляя имущественное расслоение в обществе.

Впрочем, имущественное расслоение, о котором мы будем скоро говорить, представляет собой лишь дальнейшее развитие процесса распада первобытно-коммунистической общины. Первый же этап этого процесса, этап, который мы в данный момент стараемся проследить, это распад общины на отдельные семьи. Как на этот процесс влияет развитие обмена и возникновение денег, как объекта накопления?

Но еще прежде, чем ответить на этот вопрос, нам следует уяснить себе влияние развития обмена на оформление родовой организации, — процесс, параллельный и связанный с развитием семьи.

Мы уже указывали в свое время, что развитие родственных связей по материнской линии, создающее новую, отличную от территориальной и параллельную ей форму общественных группировок, именно материнский род, имеет в основе растущую роль женского земледелия. Но, как мы уже видели на многих фактах, полное развитие материнско-родовой организации знаменует собой установление очень широких в географическом смысле связей, таких связей, которые соединяют между собой жителей на только противоположных концов большого острова, но иногда и разных островов. Как уже говорилось выше, такие связи носят, правда, часто лишь более или менее идеальный характер и сравнительно слабо реализуются в жизни. Но самое их существование тем более нуждается в объяснении. Едва ли могут быть сомнения в том, что существование этих связей базируется на какой-то более материальной

¹ Speiser (a), 271—272.

² Stephan u. Gräbner, 67—68; Parkinson, 89.

³ Parkinson,

87—88.

⁴ G. Brown, 296. — Согласно Бенджамину Данксу, на полуострове Газели в 80-х гг. XIX в., были такие цены: большой лосось стоил $\frac{1}{2}$ сажени (fathoms) тамбу (раковинных денег), 60 клубней таро и ямса — 1 саж., собака — 2—3 саж., топор — 3—4 саж., большая лодка — 20—50 саж. и т. д. (Danks (a), 307—308).

⁵ Pfeil, 68.

основе, нежели субъективное осознание кровного или какого угодно иного „родства“. И совершенно ясно, даже чисто теоретически, если бы мы и не имели подавляющего фактического материала, что такая материальная основа состоит ни в чем ином, как в укреплении экономических связей между соседними и отдельными районами, т. е. прежде всего в развитии между ними обменных отношений. В этом, и прежде всего в этом, выражается, как мы знаем из фактов, реальная связь между различными, даже далекими друг от друга областями и племенами, и эта-то связь, несомненно, и содействует, если не установлению (что могло произойти и раньше и постепенно), то сохранению и укреплению родовых связей на данной широкой территории.

Теперь посмотрим, как же влияет обмен, как форма циркуляции определенных ценностей, и развивающееся из него денежное обращение, на укрепление индивидуальной семьи.

Мы уже знаем, что по нормам материнско-родовой организации имущество, даже находящееся в индивидуальной собственности, наследуется в роде, т. е. по женской линии, переходя к братьям, сестриным племянникам, материнскому дяде и т. д. Тем самым единство семьи, как хозяйственного коллектива, постоянно разрывается, поскольку имущественные связи внутри нее оказываются менее крепкими, чем родовые имущественные связи. Напротив, переход к отцовской линии наследования означает не что иное, как перевес семейных связей над родовыми.

И вот мы видим воочию, как, по мере развития обмена и накопления ценностей, совершается этот процесс замены материнского порядка наследования отцовским. Надо только сказать, что обмен и накопление ценностей являются лишь одним, хотя и существенным, условием этой перемены. Другим, не менее важным условием, является то развитие индивидуальных форм земледелия, о котором мы говорили выше. Сейчас нам придется продолжить оборванную тогда нить истории индивидуальной семьи в связи с развитием земледелия. Но одновременно будем следить и за влиянием обмена и накопления ценностей.

Кондригтон, резюмируя собранный им материал о порядке наследования у меланезийцев, говорит: „В общем на всех этих островах Меланезии обнаруживается замечательная тенденция (a remarkable tendency) к замене, в наследовании имущества, собственными детьми детей сестры и других сородичей (т. е. к замене женской линии мужской. *C. T.*); и это, повидимому, начинается там, где имущество создано собственной деятельностью (*industry*) человека, с помощью по большей части его сыновей, как например, сады, заново расчищенные из-под леса, его деньги, свиньи и лодки“.¹ На целом ряде примеров мы можем проследить это явление.

На Новой Ирландии земля, как родовая собственность, передается по женской линии, но движимое имущество женщины наследует ее муж,² — факт свидетельствующий уже об укреплении семейных связей за счет родовых норм.

На полуострове Газели (Новая Британия) правилом является наследование по женской линии, т. е. внутри рода.³ Но часть скопленных денег можно завещать жене и детям.⁴ Могущее произойти из наследственной передачи накопленного имущества экономическое расслоение парализуется здесь обычаем раздачи большей части денег при погребальных обрядах всем в них участвующим.⁵ Таков же обычай на Новой Ирландии.⁶

На острове Флорида старые, давно окультуренные земли наследуются внутри рода, обычно детьми сестер умершего. Но вновь выдранная из-под леса собственным трудом земля, а также посаженные на родовой земле плодовые деревья — переходят к сыновьям владельца. Это наследование по мужской линии продолжается рядом поколений до тех пор, пока живо воспоминание

¹ Codrington, 68.² Pfeil, 27, 70.³ Burger, 31.⁴ G. Brown, 385.⁵ Burger, 31.⁶ Pfeil, 71.

о недавнем освоении данной земли: но когда за давностью времени данный участок начинает рассматриваться, как издавна культурный, к нему опять применяется правило родового наследования.¹ По отношению к деньгам, свиньям и прочему имуществу возникают обычно споры между материнской родней покойного владельца, с одной стороны, и его сыновьями, с другой, и вопрос часто решается силой.²

Такой же порядок наследования земли существует на Банксовых островах, где старая культурная земля наследуется племянниками, а вновь расчищенная и обработанная единоличным трудом — сыновьями владельца.³ Движимое имущество наследуется по мужской линии, но прежде, повидимому, наследовалось по женской.⁴

На острове Пятидесятицы обычным порядком является наследование всего имущества, дома, земли, свиней и пр., племянниками, причем даже вновь расчищенная земля подлежит этому правилу. Сын получает только то, что отец дал ему при жизни.⁵ Однако, по сведениям Риверса, здесь уже начался тоже процесс перехода к мужскому порядку наследования.⁶

На острове Аоба земля уже безусловно наследуется по мужской линии, но, замечательным образом, — движимое имущество умершего его сыновья распределяют среди его материнской родни, главным образом среди племянников.⁷

Эти и многие другие примеры показывают, в каких разнообразных сочетаниях комбинируются между собой принципы материнского и отцовского наследования, т. е., говоря более обще, нормы родового и семейного порядка. При этом общим фактом является то, что, во-первых, оба эти принципа находятся между собой в антагонизме, и один усиливается только за счет другого, и что, во-вторых, наблюдается общая тенденция к усилению семейного порядка наследования за счет родового, т. е. семейных связей за счет родовых. И факторами этого приходится признать, повидимому, с одной стороны, развитие индивидуального земледелия, а с другой — накопление имущества, связанное с обменом.

4. Семья и род

Затронув здесь, таким образом, вопрос о взаимоотношениях семьи и рода, мы должны постараться разобрать этот вопрос в его более общем виде. Из того, что сейчас говорилось об увеличении удельного веса семьи за счет рода, можно было бы сделать вывод, что вообще семья вырастает из рода в процессе его разложения. Однако, весь наш предшествующий анализ свидетельствует против такого вывода. Семья не вырастает из рода. Но и род не вырастает из семьи, как представляла себе дело старая „патриархальная“ теория. Мы знаем уже, что материнский род в Меланезии есть продукт разложения папуасской первобытно-коммунистической общины, результат раздвоения форм производственных отношений внутри нее. С другой стороны, и семья есть не что иное, как продукт и форма разложения первобытно-коммунистической организации. Изучение фактов показывает, что развитие рода и развитие семьи идут параллельно, отправляясь от общей исходной точки — первобытной коммуны и разлагая последнюю по двум направлениям: по линии удвоения, т. е. усложнения самих коммунистических форм, с одной стороны, и по линии нарастания внутри них — иных, индивидуалистических, т. е. антагонистических первым, форм, с другой.

Таким образом, род и семья суть две параллельные и соотносительные формы разложения первобытно-коммунистической общины. Но мы можем посмотреть на дело и еще глубже и, не довольствуясь констатированием эмпири-

¹ Codrington, 62—63. ² Ibid., 63. ³ Ibid., 63—64; Rivers (a), v. I, 55. ⁴ Codrington, 66; Rivers (a), v. I, 59—60. ⁵ Codrington, 67; Speiser (a), 333. ⁶ Rivers (a), v. I, 209—210. ⁷ Codrington, 67—68; Speiser (a), 333.

ческой корреляции развития этих двух форм, попытаться вскрыть их внутреннее соотношение. Оно оказывается достаточно глубоким и достаточно сложным.

В первобытно-коммунистической общине в ее чистом виде материальная взаимная связь людей по существу исчерпывается их территориальной связанностью, и родственные отношения не имеют самостоятельного характера, а совпадают с территориальными и покрываются ими. Принадлежность каждого индивида к определенной общине есть в таком случае непосредственно данный и сам собой разумеющийся факт, не основанный на каком-либо искусственном исчислении родства и тому подобных принципах.

С другой стороны, в оформленной (материнско-) родовой организации принадлежность человека к данной родовой группе отнюдь не очевидна сама собой, а нуждается для своего констатирования в исчислении родственных связей, в определении родового (тотемического) имени и тому подобных искусственных способах. Родовые связи, не данные непосредственно в самом, так сказать, „биологическом“ факте сожителства данной группы людей, приобретают характер нарочито определяемых и индивидуально в каждом случае устанавливаемых отношений.

Вот этот последний факт и требует объяснения. Поскольку мы имеем здесь дело не с естественно выросшими, а с „искусственно“ устанавливаемыми связями, следует выяснить, откуда взят принцип этих новых связей. Почему первобытно-коммунистические формы приобрели, оставаясь по существу сами собой, совершенно новый чуждый и конститутивный признак — признак индивидуальных отношений?

Ответ на этот вопрос, повидимому, может быть найден в указании на обратное влияние зарождающейся семьи на ту среду, в недрах которой она возникла. Ведь именно в семье мы находим впервые индивидуально-родственные отношения — такие отношения, как родителей и детей, братьев и сестер и т. д. Эти-то отношения, кровно-родственные, т. е. индивидуальные, и переносятся теперь на всю общину, естественно преобразуя ее. Под влиянием индивидуальной семьи, сама первобытная коммуна, породившая ее, начинает трансформироваться до известной степени по ее образу и подобию. Родовая организация и возникает как продукт такой трансформации. Родовая община — это первобытно-коммунистическая община, выделившая внутри себя семью и сама перестроившаяся по типу семьи, по типу индивидуальных отношений. Так можно мыслить себе внутреннее соотношение в развитии семьи и рода.

Но, с другой стороны, мы уже видели, что эта пара есть пара антагонистических форм, что развитие семьи идет, и чем дальше, тем больше, в ущерб родовым отношениям. Развитие семьи и есть разложение рода. Если семья своим зарождением вызвала к жизни родовую организацию, то она же своим дальнейшим развитием убивает ее.

5. Племя

Мы говорили до сих пор о родовой общине, о деревенской общине и о семье у меланезийцев. Исчерпываются ли этими тремя типами все виды общественных единиц на данной ступени развития? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, в какой мере можно говорить о существовании племени, как особой и более крупной, чем перечисленные, общественной группе.

Мы уже видели выше, что на более ранней, „дородовой“ стадии, племя, как социальная единица, еще не существует. Имеются лишь известные районы с общим языком и некоторой общностью культурных черт. Общие названия таких районов можно, если угодно, считать племенными, но эти пле-

мена представляют не более, как культурные группы, не имеющие никакой общей организации.

В сущности, то же мы имеем и на той „родовой“ ступени общественного развития, какую мы анализируем сейчас. Какой бы то ни было племенной организации, охватывающей хотя бы небольшую группу деревень, в Меланезии, как правило, не наблюдается. За исключением южной части Меланезии, представляющей вообще высшую стадию развития (о чем будет речь позже), мы нигде не видим здесь племенных вождей, каких-либо обще-племенных советов, соборщ и организаций, каких-либо постоянных форм общественной связи внутри определенного, культурно ограниченного района, что дало бы право говорить о племени, как социальной форме. По общему выводу Кодрингтона, — „социальный строй на этих Меланезийских островах не является племенным“.¹

Очень показательным признаком отсутствия племенной организации служит тот факт, что даже племенных имен, как обозначения известных культурных групп, в Меланезии почти нигде нет. Миссионер Браун говорит в общей форме, что племенных названий в Меланезии нет, а есть только названия деревень.² Для Новых Гебрид и Банксовых островов Шпейзер констатирует почти повсеместное отсутствие племенных названий; он может указать только на одно исключение — племя Сакао на северо-востоке острова Санто, но и это он считает случайным совпадением географической обособленности района с культурным и соматическим единством его населения.³ Правда, Таттвен перечисляет целый ряд „племен“ на острове Пятидесятицы,⁴ но из его же карты видно, что дело идет просто об отдельных деревнях.

Для Соломоновых островов, Санта-Крус, Новой Ирландии, Тробриандовых островов ничего не известно о существовании племенных названий, а известны только названия географических областей.

На Новой Британии мы однако находим такие племенные названия, как сулка, гактеи, о-менген, бутам, таулил.

На островах Адмиралтейства известны три больших племени — моанус, матанкор и узиаи, различающиеся между собой по месту и образу жизни, по обычаям, отчасти даже физическому типу. Вероятно, что они представляют собою три разных этнических слоя, в разное время заселивших острова.⁵

Наконец, большое количество племенных названий имеется на Новой Гвинее, среди как меланезийского, так и папуасского населения.

Существование этих общеплеменных названий свидетельствует о наличии известной культурной общности языка, материальной культуры, обычаев, верований и т. д. Эта общность объясняется, очевидно, существованием определенных связей в данном районе, связей прежде всего торговых и вообще экономических. Такие связи, конечно, имеют место и в тех частях Меланезии, где племенные названия неизвестны, и там (т. е. на Соломоновых, Новогебридских и других островах) они создают те же культурно отграниченные области с общим языком, обычаями и пр. Но тот факт, что ни в том, ни в другом случае мы не находим сколько-нибудь заметной племенной организации, свидетельствует или о сравнительно все же слабости этих связей, или же о том, что наличия экономических связей между отдельными деревнями еще недостаточно для сплочения их в единую племенную группу. Как бы то ни было, на данной ступени „родового общества“ племени, как социальной единицы, еще нет.

6. Экономическое расслоение. Зачатки классовой организации

Развитие рода и развитие семьи суть формы разложения первобытной коммуны. Но род является лишь побочным, так сказать, продуктом этого раз-

¹ Codrington, 46.

² G. Brown, 352.

³ Speiser (a), 336.

⁴ Tattevin, passim.

⁵ Parkinson, 354, 369—370, 374—377.

ложения и, сверх того, он сам сохраняет в своей структуре коммунистические черты. Семья же, разлагая изнутри первобытную общину на мелкие хозяйственные ячейки, не дает еще сама по себе новых форм развития, будучи единичей слишком нейтральной. Семья является скорее пассивным продуктом распада первобытной коммуны, чем его фактором. Она сама приобретает качественную определенность лишь под влиянием нового фактора, связанного с (рассмотренным уже нами) ростом обмена, а именно, под влиянием экономического расслоения внутри общины. Это то расслоение, прогрессивно усиливающееся по мере развития общества, является основным и радикальным фактором разложения первобытного коммунизма, фактором перехода к классовому обществу.

Постараемся, основываясь на фактическом материале, выяснить, каких пределов достигает на данной ступени развития экономическое расслоение в обществе, на чем по существу оно основывается, в чем выражается, каково реальное значение этого явления в общественной жизни.

Нет никаких прямых указаний на то, что основой расслоения является захват известными социальными группами больших массивов земли, как главного средства производства. Правда, вполне возможно, что отдельные члены общины по тем или иным причинам пользуются большим, чем другие, количеством земли. Это можно косвенно заключить из того факта, что богатые меланезийцы обычно имеют по нескольку жен, а жен своих меланезийцев использует по преимуществу как рабочую силу в земледелии. О господстве полигамии у богатых сообщают Паркинсон и Бургер для полуострова Газели,¹ тот же Паркинсон — для Германских Соломоновых островов,² Хаген — для Соломоновых островов вообще,³ Шпейзер — для Новых Гебрид.⁴ В общей форме отмечают этот факт Кодрингтон,⁵ Браун.⁶

Возможно и даже очень вероятно, что эти богатые полигамисты засаживают и эксплуатируют большую земельную площадь. Но, с одной стороны, этот последний момент является вторичным и производным от факта наличия нескольких жен. С другой же стороны, из самого факта расширения землепользования не происходит, по всей видимости, никаких особых экономических отношений: ни о поземельной зависимости, ни о других подобных формах производственных отношений, повидимому, говорить в данном случае нельзя. Единственно, что можно предполагать относительно экономической роли расширения землепользования — это то, что богатые люди могут, таким образом, получать избыточное количество сельскохозяйственного продукта, которое может направляться на обмен и способствовать скоплению в их руках тех или иных ценностей.

Но что первичные и основные корни зарождения экономического расслоения лежат в области производства, в частности, земледельческого, это не подлежит сомнению. Основой здесь служит появление прибавочного продукта, т. е. рост производительности труда. Правда, трудно доказать, что это связано непосредственно с ростом техники, хотя теоретически это весьма вероятно. За то несомненно, что здесь действовали, например, такие естественные условия, как плодородие почвы. Попадая на коралловые острова Меланезии, люди очутились в этом смысле в очень выгодном положении. Мы уже видели, что на Тробрианских островах нормальный урожай превышает вдвое потребности местного населения. Подобные факты, хотя отрывочные, известны и из других мест. В области племен киваи, согласно Ландтману, „аллювиальная почва так богата, что самого маленького клочка земли достаточно, чтобы удовлетворить потребности владельца в растительной пище“.⁷ На Шортландских островах — „проработав несколько дней, дикарь, — по словам Риббе, — может получить

¹ Parkinson, 66—67; Burger, 28—29.
(a), 290.

⁵ Codrington, 245.

² Parkinson, 482.

⁶ G. Brown, 32, 119.

³ Hagen, 211.

⁷ Landtman, 64.

⁴ Speiser

пищу для себя и для своих на целый год".¹ На острове Танна мужу с женой достаточно раз в неделю поработать в саду часа 4, чтобы обеспечить себя провизией на всю неделю.² Таким образом, по крайней мере, во многих случаях, сельскохозяйственный труд меланезийца, в силу ли почвенных условий, или в связи с известным прогрессом техники, создает избыточный продукт, а отсюда открывается возможность его присвоения и накопления.

Однако этим создаются лишь предпосылки для появления имущественного неравенства, но формы и факторы последнего еще не даны. Экономическое расслоение идет, как показывает фактический материал, прежде всего по линии перераспределения и накопления разных видов ценностей, что связано с развитием обмена.

Эти ценности перемещаются и накапливаются, какими путями, об этом скажем дальше, в форме по преимуществу денежного материала (см. выше). Как разнообразен последний, так же разнообразны и объекты накопления. Мы уже знаем, что на Тробриантовых островах, где особой денежной единицы не выработалось (если не считать имеющих ритуальное значение объектов обмена в системе „кула“), там накапливаются прежде всего непосредственные продукты земледелия, — клубни ямса, запасы, ежегодно сгнивающие и заменяемые свежими. Эта весьма несовершенная форма накопления в других местах заменена более гибкой и практичной.

На островах Аоба и Пятидесятицы денежный материал — циновки, тем более ценные, чем они старше, и — „богатый человек, — по словам Кодрингтона, — держит в своем доме 50 и более циновок, висящих и приходящих в ветхость, доказательство древнего богатства“.³

На Банксовых островах, где деньгами служат нити раковин, измеряемые определенными свертками, так называемыми „катагиу“ — „богатые люди накапливают большие количества этих денег; впрочем, достаточно сотни катагиу, чтобы сделать человека богатым“.⁴

О накоплении раковинных денег говорит Паркинсон по отношению к полуострову Газели,⁵ а Пфейль — по отношению ко всему архипелагу Бисмарка.⁶

На Новых Гебридах главным объектом накопления, как и мерилom ценности, являются, по сообщению Шпейзера, свиньи.⁷

Все названные авторы отмечают особую страсть и энергию, с какой туземцы стараются собрать у себя максимальное количество подобных ценностей.

Что представляет собой это накопление? Какого рода отношения оно создает в обществе? Каковы способы, и какова цель накопления?

Всего меньше можно, повидимому, говорить об использовании накапливаемого имущества, как определенных потребительных ценностей. Некоторые из этих предметов, например, нити раковин, лишь в очень небольших количествах могут быть так использованы (в количестве украшений), и накапливаемые количества их не стоят ни в каком отношении с этой крайне ограниченной возможностью. Другие, как циновки, нередко нарочно подвергаются порче, чтобы не употреблять их в дело, и этим ценность их еще повышается.⁸ Если свиньи и используются в конце концов как предмет питания, обычно на особых общественных пиршествах, то главная ценность их признается не в мясе, а в наличии больших, загнутых колесом, клыков, результат особого тщательного ухода.⁹ Одним словом, цель накопления и обладания имуществом для меланезийца — отнюдь не непосредственное материальное его использование, как потребительной ценности.

¹ Ribbe, 110.² Pfeil, 68.³ Humphreys, 63.⁴ Codrington, 324.⁵ Ibid., 326.⁶ Parkin-⁷ Speiser (a), 275—276.⁸ Ibid., 272; Codrington, 324.⁹ Speiser

Что же является такой целью? Наши источники дают на это совершенно определенный и единогласный ответ. Цель накопления имущества — социальное (экономическое) господство в общине. Средства и механизм этого господства — это в то же время средства и методы накопления. Методы эти довольно разнообразны. Это, во-первых, особая система своеобразного полуритуального кредита.

На Банковских островах, например, есть обычай давать займы деньги с 100% роста, безотносительно к сроку, причем этот заем иногда навязывается человеку принудительно.¹ На северных Новых Гебридах процент тоже достигает до 100%.² Помимо того, что эта система является орудием концентрации богатства, она же дает богачу в руки и власть над должниками, становящимися от него в зависимое положение. Это подчеркивает, например, Шпейзер, имея в виду Новые Гебриды. Здесь принятие в долг свиньи отдает должника во власть кредитора, так как возратить долг — свиньей определенного качества — не всегда бывает можно, и кредитор пользуется этим для приобретения власти над должником.³

На острове Бугэнвиль эта система закабаления должников процветает еще в большей степени, причем ею пользуются главным образом вожди, как первые богачи среди населения. Кредитор, не настаивая на скорой уплате долга (а процент достигает и здесь до 100), использует свое положение весьма выгодным образом. По обычаю, он может пользоваться имуществом должника, его свиньями, плодовыми деревьями, и даже его личным трудом.⁴ Здесь можно видеть какие-то зародыши не более и не менее, как феодальных отношений.

Другая форма перераспределения и накопления имущества, форма, отчасти связанная с указанной выше, это система мужских союзов, о которых вообще будет речь в дальнейшем. Весь сложный и причудливый ритуал этих организаций в значительной мере имеет именно этот смысл: он содействует, с одной стороны, концентрации имущества в руках определенной части общества, а с другой, является в ее же руках орудием закрепления и осуществления своего социального влияния. „... С некоторой точки зрения, — говорит Риверс, — общества сукве и тамате (мужские союзы. С. Т.) составляют сложную организацию, посредством которой приобретается богатство и, так как продвинуться далеко в этих корпорациях могут только богатые, или лица, имеющие богатых друзей, эти организации являются средством для закрепления (perpetuation) и даже подчеркивания различий социального ранга, поскольку этот ранг зависит от обладания богатством“.⁵ Подробнее о мужских союзах мы будем говорить дальше.

При помощи, как указанных сейчас методов, так и некоторых других приемов, в частности, при помощи некоторых прерогатив, связанных с достоинством вождя, богатые члены общества, с одной стороны, еще более увеличивают свое богатство, а с другой, в сильной степени повышают свой социальный вес и свое влияние на окружающее население.

С субъективной стороны, с точки зрения самих меланезийцев, это влияние, этот авторитет имеет мистический, сакральный характер. Источником и внутренней сущностью всякого богатства и социального авторитета определенных лиц является, в глазах меланезийцев, религиозная потенция — „мана“ обладателей богатства. Как само богатство, так и успех в продвижении вверх по общественной лестнице — есть лишь видимое выражение этой „мана“.

¹ Codrington, 326.

² Ibid., 324.

³ Speiser (a), 277—278.

⁴ Thurnwald (d), B. III,

41—45. ⁵ „Денежные сделки, — говорит Кодрингтон, — играют в жизни туземцев большую роль, ибо общественное положение определяется обладанием имуществом (в форме раковин). Не имея денег, нельзя вступить в сукве (мужской союз). Только обладание деньгами дает возможность человеку укрепить свое общественное положение, ибо тот, кто имеет деньги, всегда крепко держит в руках своих должников и, благодаря тому, что он может предоставлять ссуды другим, он нередко может сделать своими должниками людей, стремящихся занять высокое общественное положение, и тем самым задержать их повышение в обществе“ (Codrington, 327).

Объективно же, как мы видели, имущественное расслоение создает определенные экономические отношения, отношения зависимости, близкой к кабальной.

Но, разумеется, это еще не есть классовые отношения, поскольку они еще не задевают основных средств производства — земли, орудий труда. Лишь местами, там, где кабальная зависимость приобретает наиболее выраженный характер (как на острове Бугэнвиль), мы видим приближение к типу классовых, говоря точнее — феодальных отношений.

* * *

Выше я указывал на то, что семья не является самостоятельным фактором, а скорее пассивным продуктом общественного развития, и, в частности, ее укрепление связано с имущественным расслоением. Это соображение находит себе подтверждение в фактических данных.

Так, Шпейзер подчеркивает влияние наследственной передачи накопленного имущества на обособление отдельных семей. „Так развились, — говорит он, — аристократические фамилии, считающие себя лучше других и неохотно смешивающиеся с прочими“.¹ Очевидно, то же имеет в виду Кодрингтон, говоря о „некоторых семьях“ на Банксовых островах, „члены которых имеют известную семейную гордость и стремятся поддерживать путем взаимных браков семейную связь“.²

* * *

Итак, экономическое расслоение внутри общины создает отношения, приближающиеся к кабальным, и подготавливающие классовый (феодальный) строй. Особенность этого процесса состоит в том, что здесь имущественное расслоение и экономическая зависимость не означают еще отделения производителя от средств производства: бедный, зависимый, закабаленный туземец еще имеет собственный участок земли и на нем работает.

Но параллельно с этим, дифференциация идет и по другому разрезу — по линии отделения части населения от средств производства. Это — процесс развития рабства, процесс, характерный еще и тем, что он идет по преимуществу не изнутри общины, а с ее периферии, из межобщинных отношений.

Настоящего рабства, как законченной экономической системы, мы в Меланезии не найдем.³ Однако имеются отношения, которые можно назвать „патриархальным рабством“ (Маркс).

Захваченных на войне пленных иногда обращают в „рабство“. По Кодрингтону, такого „раба“ используют не в хозяйственных целях, а берегут на случай ритуального умерщвления или жертвоприношения.⁴ То же сообщает Хаген.⁵ О рабах-военнопленных есть упоминания и на Адмиралтейских островах,⁶ на полуострове Газели,⁷ на острове Фате⁸ и пр.

Другой способ приобретения рабов — покупка людей, в особенности детей, и чаще всего девочек.⁹ Эта практика в сущности едва отличима от широко распространенного в Меланезии обычая усыновления (adoption), иногда с уплатой денег настоящим родителям.¹⁰ Купленный за деньги и принятый в семью человек, ребенок или взрослый, считается как бы членом семьи и часто не отличается от родных детей. Обращение с ним обычно мягкое.¹¹ Местамк даже военнопленные в сущности скорее включаются в семью, чем порабощаются. Это, например, отмечается для Британской Новой Гвинеи,¹² Сан-Кристовала,¹³ Эддистона¹⁴ и др.

¹ Speiser (b), 79; ср. Speiser (a), 292. ² Codrington, 25. ³ Codrington, 346; ср. Нибур, Рабство как система хозяйства, М., 1907, стр. 89—96. ⁴ Codrington, 346. ⁵ Hagen, 4, 211.
⁶ Parkinson, 39, 380. ⁷ Burger, 38; G. Brown, 331. ⁸ Speiser (a), 340. ⁹ G. Brown, 331.
¹⁰ Codrington, 25; Rivers (a), v. I, 50—55; Fox, 19, 53—57; Pfeil, 21; Krieger, 165 и др.
¹¹ G. Brown, 331; Elton, 8; Fox, 36. ¹² Krieger, 324. ¹³ Verguet, 205. ¹⁴ Hocart (b), 305—306.

Однако такой „раб“-усыновленный — первый кандидат на умерщвление при всяком человеческом жертвоприношении в тех или иных ритуальных случаях (смерть вождя, постройка дома и пр.). Нередко их специально покупают и держат с этой целью.¹

Экономическая эксплуатация этих „рабов“ представляет, повидимому, скорее исключение, чем правило. Помимо полуострова Газели (о котором ниже), она отмечена, кажется, только для Шортландских островов. Рабов здесь много, это, по большей части, захваченные в грабительских походах мужчины, женщины и дети.² Обращение с ними мягкое, и раб в некоторых случаях может породниться через брак с вождем, достигнуть даже влиятельного положения в обществе.³ Однако, „если у человека есть рабы, — говорит Риббе, — то для самых грубых (земледельческих. С. Т.) работ употребляются, главным образом, они“.⁴ Но даже и в этом случае мы не имеем здесь эксплуатации рабского труда, как системы, как основной формы производственных отношений.

В других случаях термин „эксплуатация“ подходит в еще меньшей степени. Аббат Верге, проводивший около года на Сан-Кристовале, пишет: „Стало ли рабство обычаем в Ароси (Сан-Кристовал. С. Т.)? Слово рабство звучит жестоко, оно напоминает представления о страдании, жестокости, варварстве. Поэтому я не знаю, можно ли называть рабством (esclavage) то мягкое служебное положение (servitude), в котором живут пленники (captifs) аросийцев у своих хозяев. С ними обращаются как с приемными детьми: раб возделывает поле своего хозяина вместе с ним, помогает ему готовить пищу и сопровождает его на рыбную ловлю и на войну... Когда они выросли, они женятся в племени своего хозяина, строят себе дом рядом с его домом... Иногда хозяин не пренебрегает браком со своей рабой...“⁵

На острове Эддистон, согласно Хокарту, имеются рабы, так называемые „пинаусу“, что значит „чужой, чужеплеменник“ (foreigner). Прежде их захватывали на войне, теперь покупают. „Раба покупают как рабочего (labourer) и слугу“. Но обращение с ними мягкое, и любопытно, что раб называет своего хозяина „тамангу“ — „отец“.⁶

Во всех этих случаях мы имеем дело не с подлинными рабовладельческими отношениями, а с патриархальными формами полурабства полуадопции. Но местами мы находим в пределах той же изучаемой нами территории особый тип отношений, уже мало чем отличающихся от настоящего рабства. Но этот тип встречается довольно редко и лишь в специфических условиях. По крайней мере, описаны только 2—3 подобных случая. Это — зависимые отношения, устанавливаемые между соседними племенами, из которых более сильное закабалит своих слабых соседей и облагает их постоянной данью.

Наилучше известным примером таких отношений являются береговые и внутренние жители полуострова Газели (Новая Британия).

Внутренние пространства полуострова Газели заселяют, как мы знаем, байнинги, а восточную часть его — тоже папуасское по языку племя таулил. Мы уже говорили об архаическом характере социального строя байнингов. Но этот строй в сильной степени деформирован благодаря тому, что все население хинтерланда полуострова находится в зависимом положении по отношению к более сильным и культурным жителям береговой полосы. Последние, повидимому, недавние переселенцы с Новой Ирландии, оттеснили и частью закатали туземцев. По исследованиям патера Рашера, здесь существуют такие отношения.

Жители северного побережья и мелких близлежащих островов устраивают периодические охоты за людьми на территорию байнингов. Нападениями из засады они захватывают добычу как для своих каннибальских пиров, так

¹ Codrington, 346; Fox, 36; Ribbe, 276.

² Ribbe, 100, 224.

³ Ibid., 139.

⁴ Ibid., 110.

⁵ Verguet, 205.

⁶ Hocart (b), 305—306.

и живую добычу — рабов.¹ Рабы-байнинги эксплуатируются в хозяйстве береговых жителей довольно интенсивно. Раб живет в одной хижине с хозяином, ест с ним вместе, но основная его обязанность — работать на своего хозяина. Он работает на поле, ловит рыбу, черепах, гребет в хозяйской лодке и т. п. Своего имущества у него не может быть, и любой член семьи хозяина, даже ребенок, может им помыкать. Хозяин может его беспрепятственно избить или даже убить. В прежнее время рабу часто грозила участь быть съеденным на празднике. Раб не имеет семьи. Женщина-раба часто делается наложницей господина.² Раб-байнинг рассматривается приморскими жителями, как низшее существо, как „lunga“ (животное).³

Эти отношения, довольно законченно рабовладельческие, представляют собой в Меланезии исключительное, едва ли ни единичное явление. Но это не все. Здесь же существуют и отношения несколько иного порядка.

Часть поселений байнингов, расположенная ближе к побережью, считается „дружественными“ для береговых жителей селениями. Эти „мирные“ байнинги являются союзниками береговых в их охотах за „дикими“ байнингами. Но этот союз довольно односторонний. „Мирные“ байнинги находятся в отношениях, если не рабской, то феодальной зависимости от своих сильных „союзников“. Каждый житель побережья или островов, даже бедняк, имеет в горах одну или несколько семей байнингов, которых он считает своими. Они обязаны периодически приносить ему таро, бетель, к праздникам свиней и собак, обязаны помогать в земледельческих работах, в постройке дома и т. п. При рождении ребенка, смерти кого-либо из семьи, „союзник“ байнинг должен приносить особые подарки. Он нередко должен посылать своих сыновей на известное время, иногда на несколько лет на работу у хозяина в положении простого раба. За это береговой житель со своей стороны дарит байнингу иногда кокосовые орехи, иногда рыбу, черепаху, иногда ничего. Как особую милость, он разрешает ему брать морскую воду (употребляется как приправа вместо соли) и пережигать известь.⁴

Эти отношения приближаются к отношениям феодально-крепостнического типа, и они существуют рядом с рабовладельческими.

Таково же положение и племени таулил. Прежде и таулилы поставляли рабов береговому населению, в последнее же время отношения здесь приняли более „мягкий“ характер феодально-крепостнических отношений.⁵

Нечто подобное можно найти на островах Адмиралтейства. Здесь имеется племя моряков-рыболовов моанус, и земледельческое население внутренней части большего острова — узиаи (еще есть третье, повидимому, смешанное племя — матанкор). Сильные и предприимчивые моанус сумели поставить узиаи в зависимость от себя. Они, например, заставляют этих земледельцев засаживать для них поля за некоторое возмещение или вовсе без всякого.⁶

Такие же отношения, кажется, существуют между береговыми и глубинными жителями острова Бугэнвиль.⁷

Приведенные факты врезаются весьма резким диссонансом в общую картину отношений в этой части Меланезии. Здесь мы видим основные элементы классовой организации общества: феодальные и рабовладельческие формы. Но они слишком исключительны и территориально ограничены, чтобы изменить заметным образом общую картину социального строя этой области.

Однако, можно заметить некоторую закономерность в распространении явлений этого порядка. Такие формы зависимости возникают там, где сильные и культурные береговые жители — моряки-рыболовы — сталкиваются с более слабыми и отсталыми земледельцами внутренних районов. В этих, редких для Меланезии, случаях процесс социальной дифференциации несколько ослож-

¹ Rascher (b), 285, 287—288.
285—286, 245, 388.

⁵ Ibid., 282.

² Ibid., 292—294.

⁶ Parkinson, 354.

³ Ibid., 292, 295.

⁷ Ibid.

⁴ Ibid.,

няется и приобретает иной вид. Здесь расслоение идет как бы не изнутри, а с периферии. При этом ускоряется и темп дифференциации, и, таким образом, отношения, вполне напоминающие классовые, вызревают в обществе тогда, когда соседние общества, не попавшие в такие условия, находятся еще по существу в доклассовом состоянии. Это ускорение, форсирование процесса классообразования при подобного рода столкновениях двух различных общественных структур очень характерно.

Как бы то ни было, беря изучаемую область в целом, мы находим в ней процесс подготовки и зарождения классового строя, идущий по двум путям: по линии нарастания внутренних и обострения внешних противоречий. Этому соответствуют и два намечающихся типа классовой организации: феодальный и рабовладельческий. Конечно, оба типа, и оба пути их развития тесно между собою связаны и переплетены. Но все же можно говорить как бы о соперничестве зародышей двух классовых формаций. Как известно, в Европе первым развился рабовладельческий способ производства, феодальный явился позже. Но это обусловлено своеобразными историческими причинами. К числу последних относится значительная неравномерность развития производительных сил в разных социальных (национальных) группах, неравномерность, особо характерная для античного мира. Как раз эту неравномерность мы только что видели и в Меланезии в тех ее местах, где слагаются рабовладельческие отношения. Но в какую сторону направлено развитие меланезийского общественного строя в целом — в сторону ли рабовладения или феодализма — это мы увидим дальше.

Анализируя разные стороны и формы процесса распада первобытного коммунизма, процесса классообразования, надо не забыть и еще одну сторону его: это подготовка выделения ремесла как особой классовой прослойки.

Говоря об обмене, мы уже видели, что в Меланезии сложилось определенное географическое разделение труда, локальная специализация в выделке тех или иных вещей, основанная на неодинаковости физико-географических условий, но закрепленная традицией.

В сущности на этой ступени разделения труда меланезийцы и остановились. Для некоторых частей Меланезии (Архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова) некоторые наблюдатели, как Пфейль¹ и Турнвальд,² говорят в очень неуверенном тоне даже о локальной специализации, и Турнвальд отмечает существование настоящего разделения труда только между полами.³ Это едва ли верно, потому что и для этой области у нас есть целый ряд данных о междообластном обмене, основанном на локальной специализации.

Но отсюда еще далеко до обособления ремесла, о котором для северной Меланезии никаких данных нет. В южной Меланезии можно заметить некоторые зачатки ремесленничества. „Настоящих ремесленников, — говорит Шпейсер, — т. е. людей, живущих исключительно своим ремеслом, на Новых Гебридах не было. Однако существовало определенное разделение труда, так что определенное ремесло выполнялось известными семьями, в которых это умение было наследственным“.⁴ Закрепление известной профессии — изготовления сетей, украшений, каменных топоров и пр. — в определенных семьях означает по существу наличие некоторых технических навыков, обучение которым приняло достаточно сложный характер, и они то и передаются прежде всего по наследству: в этом материальные корни начала обособления ремесла. Но субъективно, по представлениям самих меланезийцев, дело тут не столько в передаче технических приемов, сколько в преемственности особой магической силы — мана, обладание которой считается необходимым условием умения выполнять соответствующую работу. Но как эту мана, так и самую технику, можно приобрести и минуя наследственность, за деньги у специалиста.⁵ Про-

¹ Pfeil, 101.

² Thurnwald (a), 118.

³ Ibid.

⁴ Speiser (a), 254.

⁵ Ibid., 255.

изведения высокого искусства как резьба статуи и т. п. изготовлялись прямо на заказчика и оплачивались особенно высоко. Это искусство тоже было наследственным.¹ Однако все это не делает мастеров особым классом. „Знание какого-нибудь ремесла, — замечает Шпейзер, — является для семьи небольшим источником дохода, но он (доход) не так велик, чтобы ремесленник мог всецело положиться на выручку от своей работы. Так далеко разделение труда не зашло.“²

В истории общества обособление ремесла от сельского хозяйства знаменует собой появление одного из крупнейших в общественной жизни противоречий — противоречия между городом и деревней. Энгельс, как известно, называл этот процесс „вторым великим разделением труда“.³ Оно возникает только в классовом обществе, хотя бы и в начале его, и не может возникнуть раньше.⁴ В доклассовой Меланезии естественно мы находим лишь подготовку этого процесса. Подготовительной стадией является локальная специализация, связанная с межобластным обменом. Если последний сам, как уже говорилось, возникает на основе локальной дифференциации, то он, со своей стороны, ее углубляет и тем самым ведет к постепенному выделению ремесла.

* * *

При анализе условий экономического расслоения и классовообразования мы уделили очень видное, пожалуй, первое место такому фактору, как развитие обмена. Этот фактор выдвигался нами выше при объяснении развития как родовой организации, так и семьи.

Естественно возникает вопрос: в какой мере правильно методологически, с точки зрения материалистического понимания истории, придавать столь существенное значение обмену, как фактору исторического развития?

Этот вопрос имеет большую методологическую важность, и в нем необходимо разобраться.

Если бы мы недиалектически рассматривали обмен, как абсолютную и самостоятельную категорию, и выставляли бы при этом развитие обмена, как фактор разложения первобытного коммунизма, то такое понимание дела было бы ошибочным с точки зрения марксизма. Но ошибка в этом случае состояла бы именно в „метафизическом“ (не-диалектическом) подходе к явлениям обмена.

С точки зрения Маркса, обмен нельзя отрывать от производства и противопоставлять ему. „Сам обмен является актом, входящим в производство“, говорит Маркс (К критике политической экономии, издание 2-е, ГИЗ Укр., 1923, стр. 15). „Обмен, таким образом, во всех своих моментах или непосредственно заключен в производстве или определяется этим последним“ (ibid).

Каким образом обмен у меланезийцев определен условиями производства, я старался показать на конкретном материале. Основой здесь является дифференцированность физико-географических условий, создающая различия в продукции отдельных общин. Обмен, возникающий между этими общинами, связывает их друг с другом.⁵ Но, связывая их, обмен тем самым подчеркивает существующие различия в производстве, закрепляет и углубляет их. Тем самым углубляется локальная производственная специализация, и создаются

¹ Ibid., 256.

² Ibid., 255.

³ Engels. Ursprung der Familie... 23-te Aufl., p. 169.

⁴ Маркс указывал, что „единство мелкого земледелия с домашней промышленностью“ составляет широкий базис способа производства даже в сравнительно высоко развитых азиатских обществах, как Индия и Китай“ (Капитал, III, 1932, стр. 223, ср. 567).
⁵ „Различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными...“ (Маркс, Капитал, т. I, ГИЗ, 1930, стр. 265).

предпосылки для дальнейшего развития на этой основе техники изготовления тех или иных изделий. Все это вместе означает не что иное, как общее повышение уровня производительных сил внутри данного района.¹

Развитие обмена есть, таким образом, лишь одна из диалектически взаимодействующих сторон процесса, другой стороной которого является само производство. То обстоятельство, что производство полностью и на каждой ступени определяет собой границы и формы обмена, отнюдь не устраняет взаимодействия этих обеих сторон производственного процесса, взаимодействия, в котором и обмен играет свою роль. Сам Маркс, говоря, что „система распределения вполне определяется системой производства“ (К критике, стр. 11), — в то же время подчеркивает, что в целом ряде случаев в истории — „распределение... предшествует производству и определяет его“ (ibid., 12). То же относится и к обмену, как известной форме распределения. Маркс указывает, например, на ряд исторических примеров того, как развитие денежного обращения, само, конечно, подчиненное законам производства, влияет однако на всю экономику страны (Капитал, т. I, изд. 5-е, стр. 88).

Поэтому, говоря о развитии обмена, мы отнюдь не берем последний, как метафизическую категорию, а имеем в виду лишь определенную конкретную форму развития производительных сил. Это последнее выражается в данном случае: 1) в углублении производственной дифференциации и специализации отдельных областей, 2) в укреплении экономических связей между ними, 3) в развитии благодаря этому техники производства определенных предметов, 4) в появлении в каждой данной общине новых видов потребительных ценностей, новых товаров, и 5) в общем росте, в результате всего этого, количества и качественного разнообразия массы обращающихся в данном районе материальных благ, или потребительных ценностей. Если не все эти моменты могут эмпирически быть показаны на конкретном материале, то они все являются сами по себе достаточно бесспорными, чисто теоретически, истинами. Все это в совокупности есть, как уже сказано, рост производительных сил общества, и он то и объясняет в достаточной мере те факты, объяснения которых мы выше искали: развитие материнского рода, развитие семьи, нарастание экономического расслоения, — все эти формы разложения первобытного коммунизма.

7. Мужские союзы

В предыдущей главе упоминалось об одной из форм выражения, и вместе с орудий закрепления, того имущественного расслоения, которое связано с накоплением ценностей, — о мужских союзах. О них же мы упоминали еще и в другом месте, говоря о судьбе половозрастного расчленения первобытной коммуны в более позднюю эпоху.

На Тробрианских островах от системы половозрастных группировок сохранились, как мы знаем, лишь слабые следы, в виде юношеских домов, впрочем, выполняющих совершенно иную, чем при типичной половозрастной организации, роль. Это частный пример того общего упадка половозрастного расчленения при разложении первобытного коммунизма, который нами уже выше отмечался. Но на Тробрианских островах этот упадок принял наиболее чистую форму почти полного исчезновения всех черт этой первобытной группировки. Как раз этот случай не является типичным для Меланезии.

¹ „Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и сменю тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда“, — говорит Маркс (Капитал, т. I, стр. 399).

Как уже говорилось в другом месте, довольно обычными являются в Меланезии такие ритуальные пережитки системы возрастных групп, как инициации юношей и девушек. Но социальная роль этих реликтовых обычаев едва ли сколько-нибудь значительна.

Совершенно иное надо сказать о другом институте, генетически, несомненно, связанном с половозрастным делением, но представляющем его модификацию на новой основе и с качественно новым содержанием, — о мужских союзах.

Мужские союзы существуют, хотя и не повсеместно, но в очень многих частях Меланезии. Существование их отмечено в некоторых частях Архипелага Бисмарка (Новый Ганновер, Новая Ирландия, острова Герцога Йоркского, полуостров Газели), на Ниссане, Бука, Бугэнвиле, Флориде и некоторых Соломоновых островах, на Торресовых, Банксовых и северных Новогейбридских островах.

Но более или менее подробное описание таких союзов имеется только для полуострова Газели и островов Герцога Йоркского (союзы дукдук и ингийет), для Банксовых островов (сукве и тамате) и отчасти для Новых Гебрид. Рассмотрим поближе эти организации.

Союзы дукдук на полуострове Газели и островах Герцога Йоркского представляют собою одну из наиболее простых форм этого рода организаций. Во главе союза стоит его руководитель „тубуан“ — должность наследственная, очень почетная и связанная с реальной властью над союзом, а через него — над всей округой. Вся остальная масса членов союза, дукдук собственно, состоит из мужчин, юношей и мальчиков, принятых в союз после определенных посвяжительных обрядов. Ритуальная сторона союза дукдук выражается в ношении особых масок и нарядов изображающих духов, в исполнении плясок и т. п. Все это совершается определенными периодами, 1—2 месяца в году, и в эти периоды оживления деятельности дукдука производятся посвящения новых членов, а также устраивается энергичный сбор денег (раковин), выкачиваемых разными способами у терроризированного населения. Центрами совершения этих обрядовых действий служат особые священные места — „тарану“ — в лесу, доступ куда всем непосвященным запрещен под угрозой штрафа, а в прежние годы — даже смерти. К концу этого периода оживления дукдука производятся заключительные церемонии, и маски уничтожаются, дукдук „умирает“. В промежуточное время до его нового „рождения“ остается только глава союза „тубуан“, считающийся духом женского пола, от которого дукдук и рождается.¹

Система дукдук появилась, повидимому, сравнительно недавно в описываемых местах, и, по свидетельству исследователей, не очень еще прочно вошла в жизнь туземцев.² Гораздо глубже пустила корни другая подобная же организация — система союзов ииниет (ингийет) или маравот. Это тоже полутайные мужские союзы, вступление в них производится за установленную плату и в этом случае без обрядов. Специальной функцией этих союзов являются определенные виды колдовства, тайны которого сообщаются только членам данного союза. Во главе каждого ииниет стоит его „владелец“, занимающий такое положение по праву наследства.³

Каково же социальное значение этих, на первый взгляд причудливых организаций? На этот счет все исследователи дают вполне определенный ответ, ибо все без колебаний признают их просто-напросто аппаратом извлечения материальной выгоды одной частью общества за счет другой и, отчасти, своего рода органами власти в руках опять-таки определенной части общества. Говоря более определенно, союзы дукдук и ингийет являются орудиями господства в руках наиболее богатых и влиятельных членов общества.

¹ Parkinson, 574—589; Burger, 13.
598—612; Burger, 14.

² Parkinson, 598.

³ G. Brown, 76; Parkinson,

Так, Иоахим Пфейль считает, что эта система дукдук была вначале просто средством в руках мужчин застраивать женщин и отбирать у них в свою пользу накопленные ими, как более трудолюбивой частью общества, ценности. „Но для того, чтобы авторитет союза придал силу системе выжимания (Erpressung), действия его должны быть облечены нимбом таинственного“, и вот основа всякой мистики и табуаций, подкрепляемых денежными штрафами. Только позже эксплуатация стала направляться и на мужчин — не членов дукдука.¹

По мнению Бургера, союзы ингьет и дукдук, не знающие над собой никакой власти, „имеют в виду в первую очередь обогащение своих членов“, и „чтобы осуществить свои цели, не пренебрегают никакими средствами и нередко доходят до жестокостей“.²

То же подтверждает и миссионер Браун, согласно которому, — „главная цель“ этих союзов — „это, повидимому, выжимать (to extort) деньги из всякого, кто не член общества, и терроризировать (to terrify) женщин и непосвященных“.³

„С течением лет, — говорит Паркинсон, — я постепенно пришел к тому выводу, что у всех этих тайных союзов нет в основе какого-либо глубокого (в смысле религиозном. С. Т.) значения, и что они просто преследуют совершенно материальную цель — дать членам более высокое влияние и положение (Ansehen) перед женщинами и не членами, что членство дает не только известные социальные выгоды, но также и материальные блага (Genüsse), лучшую пищу, возможность праздности и беспрепятственного обхождения с женским полом, равно как и приобретение собственности за счет не членов“.⁴

„Отнимите у них деньги, замечает миссионер Данкс, — и их тайные общества сразу сойдут на нет“.⁵

Если, таким образом, эти тайные союзы имеют в виду весьма простые материальные цели — обогащение членов за счет прочего населения, то тем большей таинственностью и мистикой обставляется их ритуальная сторона. Но эта мистика направлена только во вне — на устрашение непосвященной массы. Согласно Паркинсону, „непосвященным рассказывается множество страшных историй о явлениях духов, о сношениях с ними, а для вящего подкрепления устраиваются разные странные шумы, якобы голоса страшных духов“.⁶

Посвящаемый же не узнает никаких особых тайн. „Введение в тайный союз состоит... просто в более или менее длительной изоляции кандидата, во вступительном взносе в пользу членов союза и в участии в известных праздниках и пиршествах“.⁷ Не узнавая никаких мистических тайн, посвящаемый только получает строгое внушение держать в секрете все, что он видит в „тарау“ (святилище союза), и в дальнейшем начинает рассказывать непосвященным те же небылицы, какие прежде слышал сам.⁸

Но если рядовому члену дукдука его участие в союзе дает некоторые выгоды, то господство в союзе, а через союз и вообще над населением, принадлежит главе союза — тубуану, точнее, обладателю этого титула. Это достоинство наследственно, хотя может быть куплено и за деньги; но так как обряды, связанные с этим, обходятся очень дорого, „то только богатые люди в состоянии владеть тубуаном“.⁹ Но, с другой стороны, расходы, необходимые при приобретении тубуана, возмещаются потом владельцу его с избытком.¹⁰ „Уже из того факта, что только богатым туземцам доступно обладание тубуаном, следует, что владельцы его должны извлекать из него значительные выгоды“, — говорит Паркинсон.¹¹ Последнее делается, главным образом в форме штрафов, налагаемых тубуаном по своему усмотрению на любого туземца за всякие провинности, в частности за непочтительное отношение к союзу или к его главе.

¹ Pfeil, 60—61.

² Burger, 11.

³ Brown, 60.

⁴ Parkinson, 570—571.

⁵ Danks

(a), 317.

⁶ Parkinson, 571.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid., 571, 583.

⁹ Burger, 13.

¹⁰ Par-

kinson, 590.

¹¹ Ibid.

Таким же штрафам подвергаются и сами члены союза в случае тех или иных нарушений его обычаев.¹ При этих своих действиях тубуан опирается на безусловную поддержку всей массы членов дукдука, представляющую собой все сильное „общественное мнение“ туземного общества.²

Итак этот способ использования аппарата мужских союзов лицами, командующими в них, для своей личной выгоды, является, с другой стороны, ни чем иным как выполнением функций общественной власти. Право взимать штрафы со всего населения есть ведь судебная функция, осуществляемая главой союза. Местами союз делит эту общественную власть с вождями (о которых речь ниже), но кое-где он представляет собой единственную организацию, стоящую во главе общественной жизни. „Местами тайные союзы замещают и выполняющего судебные функции вождя, где такового нет, и заботятся о сохранении порядка в племени и о поддержании традиционных обычаев, причем они, конечно, часто имеют в виду в первую очередь собственный интерес и собственное благополучие“.³ Так обстоит дело, например, в северо-восточном углу полуострова Газели.⁴ „Поэтому в большинстве случаев, — говорит Паркинсон, — правительством для туземцев является жадный и жестокосердный тубуан, против которого ничего не сделаешь (*gegen den nichts auszurichten ist*): разве только открытым мятежом, но пока до него дойдет, нужно, чтобы дело обстояло уж очень круто (*muss es schon sehr arg stehen*)“.⁵

Если дукдук является, таким образом, аппаратом для плутократического господства общественной верхушки, то его глава, вполне естественно, является защитником собственников. Тубуану присвоено обычаем право ставить табуирующие значки на плодовых деревьях и целых рощах, на насаждениях таро, ямса, бананов и т. п. „Этот значек является знаком табу тубуана и пользуется строгим уважением из страха наказания с его стороны. Владелец охраняемого (этим способом) предмета уплачивает тубуану за его услугу известное количество раковинных денег“.⁶

Таким же орудием в руках влиятельных и богатых членов общества служат и союзы ингийет. Во главе каждого из них стоит „владелец“ данного ингийета, имеющий право сообщать тайны того вида колдовства, который в данном союзе практикуется. Это делается в форме посвящения в союз, разумеется, за плату в пользу главы союза.⁷ Плата, по Брауну, равняется 10 установленным единицам длины (*fathoms*) раковинных денег.⁸ Достаточно представить себе глубокую веру туземцев в колдовство и страх их перед злыми силами, чтобы понять, каким огромным влиянием должны пользоваться люди, „обладающие знанием и властью, чтобы управлять (*control*) духами“, магически убивать своих врагов и т. п.⁹ Но не ограничиваясь колдовством и сношениями с духами, союзы ингийет практикуют и более реальные средства террора — тайные суды, с применением яда, — нечто вроде средневековых судов феме.¹⁰

Итак, ясно, что мужские союзы Архипелага Бисмарка являются своеобразными продуктами растущей социальной дифференциации общества. Они являются орудиями господства верхнего общественного слоя, надстройкой над экономикой разлагающегося первобытно-коммунистического общества. Они отражают собой те противоречия, которые растут в этом обществе. Если дукдук при этом можно сравнить с судебно-административными органами господства командующего класса в классовом обществе, то ингийет напоминает в том же смысле церковную организацию последнего.

¹ Ibid., 590—591. ² Ibid. ³ Ibid., 571. ⁴ Ibid., 591. ⁵ Ibid., 592. — „Дукдук, — писал еще Пауэлл, — ... может быть обозначен, как персонифицированное правосудие; он одновременно судья, полицейский и палач, улаживает всякие ссоры и наказывает преступников“ (Powell, 62). Впрочем, сообщения Пауэлла вообще в некоторых отношениях неточны. ⁶ Parkinson, 592. ⁷ Ibid., 599. ⁸ Brown, 76. — Согласно Пауэллу, плата за посвящение — 100 нитей диварра (Powell, 63). ⁹ G. Brown, 76. ¹⁰ Burger, 14.

Мужские союзы Банковских островов, описанные Кодрингтоном и в особенности подробно Риверсом, являются в некоторых отношениях более сложными организациями. Но, несмотря на большую сложность, они представляют собой такие же по существу институты, как описанные выше ингийет и дукдук.

На Банковских островах существует 2 типа союзов, которые называются сукве и тамате. Между теми и другими имеется некоторая, не совсем ясная, связь.

Система сукве состоит из ряда рангов. На острове Мота Кодрингтон нашел их 18, но Риверс в 1908 г. застал уже только 13. Каждый ранг сукве имеет свое особое отделение в мужском клубном доме (гамаль), причем вход в каждое отделение членам низших рангов прежде не разрешался под страхом смерти. Членами сукве являются только мужчины. Посвящение в сукве связано с особыми церемониями и с уплатой вступительного взноса. Оно возможно в любом возрасте, хотя бы с раннего детства, но фактически время вступления и самое вступление зависит от наличия средств у кандидата. Теоретически допустимо вступать непосредственно в любой ранг, но так как величина вступительного взноса прогрессивно возрастает для каждого последующего ранга, то начинают обычно с самых низших. Почти все мужчины состоят членами сукве, и только принадлежность к союзу делает человека полноправным мужчиной: не члены должны есть вместе с женщинами и фактически занимают положение париев в обществе. Но высших рангов достигают лишь немногие, которые за то и пользуются особым почетом. Посвящение кандидата в сукве, или переход в следующий ранг союза, начинаются с того, что кандидат, сам или с помощью своего дяди или другого родственника, собирает, путем займов, требуемое количество денег. В назначенный день устраивается празднество, на котором происходит ритуальная раздача денег (в качестве вступительного взноса), убой свиней, пляски и пр.

При посвящении в низшие ранги в этих церемониях участвуют только односельчане кандидата, если же дело касается высших рангов, то сходится народ со всего острова.

Система тамате тоже состоит из ряда обществ, но они не расположены в определенном иерархическом порядке рангов, хотя и среди них есть высшие и низшие. Их значительно большее количество, чем рангов сукве: на острове Мота Риверс насчитал их 77, не говоря о мелких подразделениях. Сравнительно легко всякому желающему основать и новое общество тамате. При этом обычно человек состоит одновременно членом нескольких обществ тамате. С системой сукве союзы тамате связаны в том отношении, что, не состоя в одном определенном из этих союзов (а именно в „тамате ливоа“), нельзя продвинуться выше определенного ранга сукве и, обратно, только члены сукве могут входить в некоторые (высшие) общества тамате. Организации тамате окружены большей таинственностью, чем сукве, их собрания происходят в особых священных местах, в лесу, члены их носят особые головные уборы (маски), изображающие духов, и сами считаются духами умерших (слово тамате значит мертвец, привидение). Религиозный элемент вообще силен в этих организациях. Посвятельный ритуал их связан с символизмом смерти и воскресения, и в глазах непосвященных все, связанное с тамате, окружено атмосферой страшного и таинственного.

Члены обществ тамате обладают особыми привилегиями, частью чисто ритуального порядка, но частью и такими, которые имеют важное практическое значение. В частности, важной функцией тамате является охрана собственности. Каждому обществу принадлежит право монопольного употребления некоторых меток — листьев разных пород растения „кротон“, и эти метки служат для защиты имущества владельца от всех не членов данного общества. Нарушение этих меток влечет за собой штраф в виде свиньи в пользу того общества, которому принадлежит данный знак. Принадлежа, таким образом,

к нескольким обществам тамате, можно огородить свое имущество несколькими значками сразу от посягательств кого бы то ни было. В этом отношении выгодно принадлежать к обществу малочисленному, потому что знак этого общества охраняет имущество против очень многих, но с другой стороны, влияние общества тем больше, чем оно многочисленнее.¹

Мы видим, что организации сукве и тамате Банксовых островов являются, если и более сложными, то по существу выполняющими ту же социальную роль институтами, как и союзы ингийет и дукдук. Подобно последним, эти союзы представляют собой, с одной стороны, формы накопления и охраны имущества, с другой, — орудия закрепления и повышения социального влияния определенной части общества, именно накопителей богатства. Религиозный элемент, свойственный особенно союзам тамате, если и не столь прозрачно служит целям мистификации, как в Архипелаге Бисмарка, то по сути дела выполняет ту же роль религиозного освящения социального ранга и магической охраны собственности.

„Итак, с некоторой точки зрения, — правильно замечает Риверс, — общества сукве и тамате составляют сложную организацию, посредством которой приобретает богатство, и, так как продвигаться в этих корпорациях могут только богатые или лица, имеющие богатых друзей, эта организация является средством для закрепления (perpetuation) и даже подчеркивания социального ранга, поскольку этот ранг зависит от обладания богатством“.² „Одна из важнейших функций обществ сукве и тамате это то, что от них зависит определение (determination) социального ранга и значения“.³ Далее Риверс говорит, что эти союзы „тесно связаны с уважением (respect) к собственности и к поддержанию социального порядка“.⁴

Этот „социальный порядок“ поддерживается, как мы видели, путем ритуализированного закрепления авторитета господствующего экономически социального слоя. Являясь организацией этого последнего, мужские союзы представляют собой, следовательно, аппарат общественной власти. Действительно, на Банксовых островах мы не видим никакой другой формы организации власти. Если здесь и имеются „вожди“, то сами по себе они едва ли имеют какую-либо реальную власть. Только авторитет союза сообщает такую власть лицу, носящему титул вождя. Согласно Кодрингтону, вождем не может быть человек, занимающий один из нижних рангов в союзе сукве.⁵ „Совершенно ясным является то, — говорит Риверс, — что, есть там наследственные вожди или нет, социальный ранг и значение столь тесно связаны с сукве, что если бы настоящий вождь не был членом сукве и тамате или был бы членом низшего ранга, он обладал бы незначительным авторитетом и значением по сравнению с человеком, стоящим высоко в этих организациях“.⁶ Самый титул „вождя“ на острове Мота указывает лингвистически, по словам Риверса, на происхождение его из мужских союзов.⁷

Такая роль мужских союзов, как органов общественной власти, хорошо обрисовывается Шпейзером для Новогвинецких островов. Шпейзер указывает, что, пользуясь системой сукве, богатые люди закрепляют свое влияние, подчиняют себе окружающих и фактически являются вождями.⁸ Он приписывает этим организациям „политическую“, как он выражается, власть:⁹ в частности, они выполняют функции судебной власти, устраивая по временам настоящие судебные заседания.¹⁰ Вне союзов сукве находятся только самые бедные члены общества, а также слабоумные. Лица, не состоящие в сукве, занимают весьма незавидное положение в обществе, как бы не принадлежали даже к числу мужчин.¹¹ Напротив, лица, стоящие на высших ступенях сукве, пользуются

¹ Codrington, ch. V, VI; Rivers (a), v. I, 61—142. ² Rivers (a), v. I, 140—141. ³ Ibid., 139.
⁴ Ibid., 142. ⁵ Codrington, 56. ⁶ Rivers (a), v. I, 140. ⁷ Ibid., 139—140. ⁸ Speiser(a), 337.
⁹ Ibid., 335, 338. ¹⁰ Ibid. 341. ¹¹ Ibid., 397.

всеобщим почетом, их воле никто не противится, их в глазах населения окружает мистически-таинственная атмосфера „мана“ — невидимой священной силы.¹

Поэтому нас не удивит, что, например, „вожди“ о которых говорит миссионер Ламб по отношению к острову Амбрим,² оказываются ни чем иным, как лицами высших рангов в мужских союзах.³ В южной части острова Малекула вождей вообще нет, и функции общественной власти выполняются, повидому, исключительно мужскими союзами — менги.⁴

Повидому, такой же характер в основном носят и мужские союзы других местностей, к сожалению, слишком отрывочно описанные.

Анализируя самые общие черты всех подобных организаций, мы видим прежде всего, что в них сохраняются некоторые элементы древних половозрастных группировок. Эти организации состоят из мужчин и противостоят прежде всего женщинам. Для вступления в них установлен известный ритуал посвящения, который дает вступающему некоторые новые права, вводя его в круг привилегированных. Эти мужские организации являются носителями общественной власти. Таковы черты, воспроизводящие некоторые принципы старых половозрастных групп.

Но эти черты стали, по сути дела, лишь формой, в которую влилось иное, новое содержание. Это новое содержание ясно видно хотя бы из сравнения посвячительных процедур в меланезийских мужских союзах, с одной стороны, и в архаических половозрастных группах (взять хотя бы лучшие известные австралийцев), с другой. У австралийцев посвящению подвергаются все лица, достигшие известного возраста. В меланезийские мужские союзы принимаются люди в любом возрасте, в зависимости от уплаты взноса, т. е. от имущественных средств кандидата. Австралийские инициации состоят, главным образом, в ряде физических и моральных испытаний, долженствующих показать пригодность юноши к положению взрослого воина-охотника. У меланезийцев посвячительный ритуал состоит по большей части в обрядовых приношениях, в убое свиней, раздаче денег и т. п. демонстрациях имущественных достоинств кандидата. Австралийские половозрастные группы — это демократическое равенство взрослых мужчин. Союзы у меланезийцев делятся на ряд рангов с резко подчеркнутыми привилегиями имущих. Австралийские половозрастные группы противопоставляют взрослых мужчин женщинам и подросткам. Меланезийские мужские союзы противопоставляют прежде всего богатых бедным.

Таким образом, мужские союзы представляют собой качественно новую форму прежних группировок, их перерастание в организацию, соответствующую совершенно иной экономике — экономике распада первобытно-коммунистического общества. Если в этой экономике все более видную роль начинает играть имущественное расслоение, то мужские союзы представляют из себя подлинную надстройку над этими отношениями, будучи формой господства имущих социальных слоев. В обществе распадающегося первобытного коммунизма эти союзы являются формой преодоления первобытно-коммунистической организации. Прав Риверс, когда он, уже в посмертной своей работе, называет мужские союзы Меланезии — „видом оппозиции коммунистическим обычаям“, поскольку они охраняют собственность отдельных социальных слоев.⁵ Являясь продуктом распада первобытного коммунизма, продуктом развития в нем экономических противоречий, мужские союзы оказываются в то же время и факторами углубления и ускорения этого процесса, одним из орудий ликвидации первобытного коммунизма.

* * *

¹ Ibid., 415—416.
141 и др.

² Lamb, 117—118, 139 и др.

³ Ibid., 121, 122 note.

⁴ Layard,

⁵ Rivers (c), 126—127.

Но, как мы уже знаем, как раз на этой стадии распада первобытного коммунизма оформляется и родовая организация, и тоже как форма разложения первобытно-коммунистического общества. Родовая организация как раз характерна для той ступени развития общества, когда создаются мужские союзы. И вот, любопытно отметить, что, несмотря на это, какой-либо внутренней связи этих двух явлений не видно. Мужские союзы и родовые деления суть независимые одна от другой группировки.

Единственное, кажется, указание на некую связь мужских союзов с родовой организацией — это сообщение Шпейзера о Новых Гебридах. Этот исследователь считает теоретически, что такая связь должна существовать, и связующее звено он видит в культе предков. Но на деле он может констатировать только отдельные случаи такой связи. Это случаи, когда в деревне имеются 2 сукве, по числу родов (фратрий?), а также случаи, когда внутри одного сукве существует нечто вроде соперничества обоих родов (фратрий).¹ Но, не говоря уже о том, что этого рода факты известны только в одном данном случае, самая связь рода с мужскими союзами здесь рисуется чисто внешней. Разобщенность и соперничество родов отчасти переносятся и в союзы сукве, как они могли бы быть перенесены и на любую другую почву, например, могли бы проявиться во время совместной работы хотя бы на европейской плантации и т. п. Из этого еще совершенно не вытекает существование какой-либо внутренней связи рода с мужским союзом. В других случаях нет данных даже аналогичных тому, что сообщает Шпейзер.²

Такая полная разнородность и несвязанность этих двух социальных форм, возникающих на одной и той же ступени общественного развития, странная на первый взгляд, по существу вполне естественна и понятна. Ведь род, если и создается как форма разложения первобытного коммунизма, то он все же впитывает в себя именно коммунистические черты архаической общины и продолжает в новой, уже внутренне-разорванной и противоречивой форме сохранять старые первобытно-коммунистические формы. Род существует постольку, поскольку сохраняются последние. Напротив, мужские союзы, дериват имущественного расслоения, — это социальная форма резко антагонистическая по отношению к элементам первобытного коммунизма, их в корне отрицающая и содействующая их ликвидации. Что же странного, если эти два продукта единого в основе своей процесса оказываются как бы совершенно разобщенными и не связанными друг с другом?

(Продолжение следует)

ИСТОЧНИКИ³

- Abel P. Knabenspiele auf Neu-Mecklenburg („Anthropos“, II, 1907, 219—229, 708—714). Beaver W. H. Unexplored New Guinea. London, 1920.
 Bernard A. L'Archipel de la Nouvelle Calédonie. Paris, 1895.
 Broek A. J. P. van den. Über Pygmäen in Niederl.-Süd-Neu-Guinea. Ztschr. f. Ethnol., B. 45. 1913, 23—44.
 Bromilow W. E. Twenty years among primitive Papuans. London [1929].
 Brown George. Melanesians and Polynesians. London, 1910.
 Browne J. M. Note on a visit to New Caledonia. Man, XVI, 1916, № 66.
 Burger Fr. Die Küsten- und Bergvölker der Gazellehalbinsel. Stuttg., 1913.

¹ Speiser (a), 416. ² Если Риббе употребляет термин „Geheimbünde“ по отношению к родовым тотемическим группам (Ribbe, 102, 140), то это, конечно, есть просто неудачное выражение и ничего более. ³ Список источников по техническим причинам не был напечатан в начале работы (Сов. этн., 1933, № 2). Он относится ко всем трем частям работы (Сов. этн., №№ 2, 3—4, 5—6).

- Codrington R. H. The Melanesians. Studies in their anthropology and folk-lore. Oxf., 1891.
- (a) Danks Benj. On the shell-money of New Britain. Journ. Anthr. Instit., v. 17, № 4, 1888.
- (b) " " Marriage customs of the New Britain group. J. A. I., v. 18, № 3, 1889.
- Deacon A. B. The regulation of marriage in Ambrym. J. A. I., v. 57, 1927, 325—342.
- Dempwolff O. Die Sprachverhältnisse in der Südsee. Oriental. Literaturzeitung, B. 29, 1926, № 10.
- Detzner H. Vier Jahre unter Kannibalen. Berl., 1920.
- Elton F. Notes on natives of the Solomon islands. J. A. I., v. 17, № 2, 1887.
- Flor Fr. Die Kulturhistorische Stellung der Kleinstämme auf den Neuen Hebriden. Anthropos, XXII, 1927, H. 5—6, 932—939.
- Fox C. E. The threshold of the Pacific. London, 1924.
- Glaumont. Usages, moeurs et coutumes des Néo-Calédoniens. Révue d'Ethnogr., 1888, t. 6, № 1—2, 73—171.
- Gray W. Notes on the natives of Tanna. J. A. I., v. 28, 1899.
- Gunn. The Gospel in Futuna. London, 1917.
- Hagen A. Les indigènes des Salomons. L'Anthropologie, 1893, t. 4, № 1, 1—10; № 2, 132—216.
- Hagen A. et Pineau A. Les Nouvelles Hebrides. Études ethnographiques. Révue d'Ethnogr., 1888, t. 6, № 4, 302—362.
- Hamy E. Étude sur les Papouas de la mer d'Entrecasteaux. Révue d'Ethnogr., 1888, t. 7, № 6, 503—519.
- Hautière U. Souvenirs de la Nouvelle Calédonie. Paris, 1869.
- (a) Hocart A. Who are the Melanesians. J. A. I., v. 53, 1923, 472.
- (b) " " Warfare in Eddystone of the Solomon Islands. J. A. I., v. 61, 1931, 301—324.
- Holmes I. In primitive New Guinea. London, 1924.
- Humphreys C. B. The southern New Hebrides. Cambr., 1926.
- Imhaus E. Les Nouvelles Hebrides. Paris-Nancy, 1890.
- Johnson Martin. Mit dem Kurbelkasten bei den Menschenfressern. Lpz., 1927.
- Krämer A. Die Malanggane von Tombára. Münch., 1925.
- Krieger M. Neu-Guinea. Berl. [1899].
- Lamb R. Saints and Savages. Ed.-London, 1905.
- Landtman G. The Kiwai Papuans of British New Guinea. London, 1927.
- Layard J. W. Degree-taking rites in SW Bay, Malekula. J. A. I., v. 58, 1928, 139—223.
- Leenhardt M. Notes d'ethnologie néo-calédonienne. Paris, 1930.
- Lemire Ch. Voyage à pied en Nouvelle Calédonie. Paris, 1884.
- Luschan F. Über Pygmäen in Melanesien. Ztschr. f. Ethnol., B. 42, 1910, 939—945.
- (a) Malinowski Br. The primitive economics of the Trobriand Islanders. Econom. Journal, 1921, March.
- (b) Malinowski Br. Argonauts of the Western Pacific. L., 1922.
- (c) " " Forschungen in einer mütterrechtlichen Gemeinschaft. Ztschr. f. Völkerpsychologie u. Soziologie, B. I., Lpz., 1929.
- (d) Malinowski Br. Myth in primitive psychology. London, 1926.
- (e) " " Sexual life of savages in NW Melanesia. L., 1929.
- Meier P. J. Der Totemismus im Bismarck-Archipel, Melanesien. Anthropos, 1919—1920, H. 1—3.
- Mendaña A. de. Die Entdeckung d. Inseln des Salomo. Bearbeit. und eingelaitet von G. Friederici. Stuttg., 1925.
- (a) Миклухо-Маклай Н. Острова Адмиралтейства. Изв. Русск. геогр. общ., 14, 1878, 65.
- (b) " " Путешествия, т. I, М., 1923.
- Nachrichten über Kaiser-Wilhelms-Land und den Bismarck-Archipel. Herg. v. d. Neu-Guinea-Compagnie zu Berlin, 1898.
- Neuhauss R. Deutsch-Neu-Guinea. B. 1—3, Berl., 1911.
- Parkinson R. 30 Jahre in der Südsee. Stuttg., 1907.
- Pfeil Joachim. Studien und Beobachtungen aus der Südsee. Braunsch., 1899.
- Pinon. La France des antipodes. Revue des deux mondes, t. 158, 4-me livr., 1900.
- (a) Pösch Rudolf. Reisen in Neu-Guinea in den Jahren 1904—1906. Ztschr. f. Ethnol., B. 39, 1907, H. 3.
- (b) " " Wanderungen im nördlichen Teile von Süd-Neumecklenburg. Globus, 93, 1908.
- Powell W. Unter den Kannibalen von Neu-Britannien. Lpz., 1884.

- Radcliff-Brown A. K. The regulation of marriage in Ambrym. J. A. I., v. 57, 1927, 343—348.
- (a) Rascher P. Die Sulka. Archiv f. Anthrop., N. F. B. I, 1904, H. 4, 209—235.
- (b) Matthäus P. Rascher und Baining (Neu-Pommern). Land und Leute. Münst.-in-W., 1909.
- (a) Ray Sidney H. The languages of British New Guinea. J. A. I., v. 24, N 1, 1894.
- (b) " " " The languages of Northern Papua. J. A. I., v. 49, 1919, 317—341.
- (c) " " " The non-melanesian languages of the Solomon islands. Festschrift P. W. Schmidt, Wien, 1928, 123—126.
- (d) Ray Sidney H. The languages of the Central Division of Papua. J. A. I., v. 59, 1929, 65—96.
- Ribbe Carl. Zwei Jahre unter den Kannibalen der Salomoinseln. Dresden, 1903.
- (a) Rivers W. H. R. The history of Melanesien society. vs. 1—2. Cambr., 1914.
- (b) " " " " Kinship and social organisation. London, 1914.
- (c) " " " " Social organisation. London, 1924.
- (d) " " " " Land Tenure in Melanesia (Rivers, Psychology and Ethnology, London, 1926).
- Rivière H. Souvenirs de la Nouvelle Calédonie. Paris, 1880.
- (a) Rochas, de. Sur les Néo-Calédoniens. Bull. de la Soc. d'Anthropol., Paris, 1860, t. I.
- (b) " " " La Nouvelle Calédonie et ses habitants. Paris, 1862.
- Sande G. A. J. van der. Ethnography and anthropology. Nova Guinea. Résultats de l'exped. scientif. néerland. à la N. Guinée, 1903, v. 3, Leyden, 1907.
- (a) Sarasin Fr. Anthropologie der Neu-Calidonier und Loyalty-Insulaner. Berl., 1916, 22.
- (b) " " Neu-Caledonien und die Loyalty-Inseln. Basel, 1917.
- (c) " " Ethnologie der Neu-Caledonier und Loyalty-Insulaner. München, 1929. Mit einem Atlas.
- Schlaginhaufen O. Über Siedelungsverhältnisse in Süd-Neum-Mecklenburg. Ztschr. f. Ethnol., B. 42, 1910, 822—829.
- Schnee H. Bilder aus der Südsee. Berl., 1904.
- Seligman C. S. The Melanesians of British New Guinea. London, 1910.
- Seligman Brenda. Bilateral descent and the formation of marriage classes. J. A. I. v. 57, 1927, 349—376.
- (a) Speiser F. Ethnographische Materialien aus den Neuen Hebriden u. d. Banks-Inseln. Berl., 1923.
- (b) " " Südsee, Urwald, Kannibalen. 2-te Aufl. Stuttg., 1924.
- Stephan E. und Sträbner Fr. Neu-Mecklenburg. Berl., 1907.
- Swanton J. The terms of relationship of Pentecost island. Americ. Anthrop., v. 18, 1916, № 4.
- Tattevin P. F. Organisation sociale du Sud le l'île Pentecôt (N. Hébrides) „Anthropos“, B. XXIII, 1928, H. 3—4, 448—463.
- Taylor Merlin Moore. Bei den Kannibalen von Papua. Lpz., 1925.
- Thomson Basil. The Fijians. London, 1903.
- (a) Thurnwald R. Im Bismarckarchipel und auf d. Salomoinseln. 1906—1909. Ztschr. f. Ethnol., 42, 1910, 98—147.
- (b) Thurnwald R. Das Rechtsleben der Eingeborenen der deutschen Südseeinseln. Blätt. f. vergl. Rechtswiss. u. Volkswirtsch.-Lehre, 6. Jahrg., 1910.
- (c) Thurnwald R. Stufen d. Staatbildung bei den Urzeitvölkern. Ztschr. f. vergl. Rechtswiss., B. 25, 1911, H. 2—3.
- (d) Thurnwald R. Forschungen auf den Salomoinseln und dem Bismarck-Archipel. B. 1—3, Berl., 1912.
- (e) " " Die Gemeinde der Banaro. Stuttg., 1921.
- Verguet L. Arossi ou San-Christoval et ses habitants. Rev. d'Ethnogr., t. 4, 1885, № 3, 193—232.
- Wheeler G. C. Totemismus im Buin (Süd-Bongainville). Ztschr. f. Ethnol., 46, 1914.
- Williamson R. The Mafulu mountain people of British New Guinea. London, 1912.
- (a) Wirz P. Die Marind-anim von Holländisch-Süd-Neu-Guinea. B. I (1—2), II (3—4). Hamb., 1922, 1925.
- (b) Wirz P. Anthropologische und ethnologische Ergebnisse der Zentral-Neuguinea-Expedition. Leide, 1924.
- (c) Wirz P. Ethnographische Skizzen aus Holland Zentral-Neuguinea. Ztschr. f. Ethnol., B. 56, 1924, H. 5—6, 187—189.
- Wollaston A. F. R. Pygmies and Papuans. London, 1912.